

ЭДУАРД СЕРОУСОВ

The illustration depicts a futuristic laboratory or control room. In the center, a man in a white shirt stands with his back to the viewer, looking up at a massive, vibrant display of colorful, glowing trajectories that resemble a fountain of light. Two large hands, one human and one translucent blue with circuit-like patterns, reach towards the center of the display. The background shows the interior of a space station or advanced facility with various equipment and a view of a starry night sky.

САД ЗАБЫТЫХ
ТРАЕКТОРИЙ

Эдуард Сероусов

Сад забытых траекторий

«Автор»

2025

Сероусов Э.

Сад забытых траекторий / Э. Сероусов — «Автор», 2025

В 2285 году экспедиция ксеноархеологов обнаруживает заброшенную космическую станцию «Гермес» с выжившими, но находящимися при смерти членами экипажа в стазис-капсулах. Исследователи делают поразительное открытие: сознания экипажа были загружены в квантовый компьютер, где за двести лет физического времени эволюционировали в сложную постчеловеческую цивилизацию. Перед учёными встаёт невозможный выбор: спасти физические тела, уничтожив виртуальный мир, или найти путь сосуществования двух форм разума. Главному герою, профессору Алексею Соколову, предстоит проложить мост между реальностями и переосмыслить саму природу человеческого сознания. Все иллюстрации сгенерированы в программе Ideogram.

© Сероусов Э., 2025

© Автор, 2025

Содержание

Часть I: Открытие	5
Глава 1: Эхо прошлого	5
Глава 2: Созвездие умов	13
Глава 3: Странствие в пустоте	24
Глава 4: Призрачный часовой	39
Глава 5: Врата понимания	53
Конец ознакомительного фрагмента.	64

Эдуард Сероусов

Сад забытых траекторий

Часть I: Открытие

Глава 1: Эхо прошлого

Алексей Соколов не любил бывать на поверхности Марса.

Нелогично для человека, прожившего здесь почти десятилетие, но он всякий раз чувствовал себя неуместным на ржаво-красных равнинах. Даже сейчас, стоя под прозрачным куполом обзорной площадки и глядя на закатное солнце – маленький тусклый диск, тонущий в пыльной дымке горизонта – он ощущал себя чужаком. Незванным гостем в древнем храме давно исчезнувших богов.

Возможно, именно поэтому он стал ксеноархеологом. Чтобы примирить это ощущение неприкаянности с необходимостью существовать. Чтобы найти тонкую нить, связывающую его с пылью веков, с эхом давно отзвучавших голосов.

Алексей провёл рукой по тёмным волосам, уже заметно тронутым сединой на висках, и проверил время на нейроинтерфейсе, мерцающем прямо перед глазами, видимом только ему. До конференц-вызова оставалось девять минут. Он предпочёл бы провести их в тишине, сливаясь с безмятежностью марсианского заката, но тихий сигнал возвестил о входящем сообщении.

Мигающий янтарный индикатор отражался в его серых, всегда чуть усталых глазах. Алексей моргнул, активируя приём. Судя по идентификатору, сообщение было отправлено с Титана, спутника Сатурна.

«Интересно», – подумал он, автоматически оценивая временную задержку передачи. Почти восемь минут при нынешнем расположении планет. Кто-то очень хотел с ним связаться и был готов ждать ответа.

Изображение развернулось в воздухе перед ним, соткавшись из света и больше напоминающая голограмму, чем обычный экран. Это было официальное приглашение от Межпланетного Научного Консорциума. Приглашение, которое полностью изменит его жизнь, хотя тогда он этого ещё не знал.

Сообщение было кратким, почти военно-лаконичным, но информация заставила его сердце забиться чаще.

Профессору А. Соколову. Обнаружена исследовательская станция «Гермес», считавшаяся уничтоженной 197 лет назад (2088 г.). Локация – пояс Койпера, астероид К-5590. Предположительно сохранилась значительная часть научного оборудования, включая экспериментальный квантовый вычислительный комплекс. Требуется ваша экспертиза как специалиста по технологическим артефактам ранней космической эры. Экспедиция формируется на орбитальной станции «Цандер». Предполагаемое отбытие – через 15 суток.

Для обсуждения деталей ожидайте конференц-вызов сегодня в 19:45 по времени поселения Ньютон-3. Е. Каратаева, руководитель научного отдела МНК

Алексей моргнул, закрывая сообщение, и вернулся к созерцанию марсианского горизонта, но теперь его взгляд стал отстранённым. Память услужливо подсовывала фрагменты информации о «Гермесе» – одной из самых амбициозных научных миссий в истории исследования дальнего космоса.

«Гермес» был создан для проведения экспериментов с квантовыми вычислениями в условиях микрогравитации. Тогдашние учёные считали, что на границе Солнечной системы, вдали от гравитационных полей больших планет, можно будет достичь исключительной стабильности квантовых состояний.

Станция считалась погибшей в результате катастрофы. Последнее сообщение от экипажа говорило о каскадном отказе систем жизнеобеспечения после столкновения с микрометеоритным потоком. Двенадцать человек. Двенадцать выдающихся умов, потерянных для человечества.

Но, очевидно, что-то сохранилось. Что-то, требующее изучения спустя почти два столетия.

Сигнал о начале конференц-вызова выдернул его из размышлений. Алексей глубоко вдохнул и переключился на режим профессионального общения.

В воздухе сформировалась голографическая проекция конференц-зала. За виртуальным столом сидело трое – женщина средних лет с собранными в тугую узел русыми волосами и цепким взглядом, которую он сразу идентифицировал как Елену Каратаеву, седовласый мужчина азиатской внешности и молодой темнокожий человек с модификациями нейроинтерфейса, выглядевшими как серебристые имплантаты на висках.

– Профессор Соколов, – Каратаева кивнула с экрана. – Благодарю, что присоединились. Надеюсь, вы ознакомились с приглашением.

– Да, ознакомился, – Алексей сел на ближайшую скамью, чувствуя себя неловко стоя перед проекцией сидящих собеседников. – Но информации в нём, признаться, немного.

– Это сделано намеренно, – улыбнулся седовласый мужчина. – Позвольте представиться, Джонатан Ли, астрофизик, руководитель научной группы космической обсерватории Лагранж-2.

– Идрис Кашима, – кивнул молодой человек с имплантатами. – Специалист по этике искусственного интеллекта и системам принятия решений. Межпланетный институт передовых технологий.

– Мы все здесь потому, что «Гермес» внезапно подал признаки жизни, – Каратаева перешла к делу без дальнейших церемоний. – Три месяца назад автоматическая обсерватория в поясе Койпера зафиксировала электромагнитные импульсы, исходящие от объекта, который, как выяснилось при более детальном сканировании, является остатками станции «Гермес».

Она сделала жест рукой, и в центре виртуального стола появилось трёхмерное изображение – изломанная конструкция, частично врезанная в поверхность небольшого астероида. Некоторые сегменты явно были повреждены, но основная часть станции выглядела удивительно целой для объекта, пережившего катастрофу.

– Как видите, большая часть жилых и рабочих модулей сохранилась, – продолжила Каратаева. – Но самое интересное – мы регистрируем активность в центральном модуле, где располагался экспериментальный квантовый компьютер.

– Активность? – Алексей подался вперёд. – Спустя почти двести лет?

– Именно, – Ли кивнул с видом человека, привыкшего к удивлению собеседников. – Причём анализ спектра излучения говорит о том, что квантовый компьютер... функционирует. Не в аварийном режиме, не в каком-то деградированном состоянии. Он работает так, словно катастрофы не было.

– Но это невозможно, – возразил Алексей. – Даже если источник питания каким-то чудом уцелел, любая компьютерная система деградировала бы за такой срок. Не говоря уже о том, что квантовые системы крайне чувствительны к внешним воздействиям.

– Тем не менее, факты говорят об обратном, – Каратаева подняла бровь. – Профессор Соколов, мы приглашаем вас присоединиться к экспедиции именно потому, что это выходит за рамки стандартных объяснений. Ваша специализация – археология ранней космической эры,

технологические артефакты, системы жизнеобеспечения... Если кто-то может разобраться в том, как двухсотлетняя станция продолжает функционировать, то это вы.

– А почему бы просто не отправить роботизированный зонд? – спросил Алексей, уже зная, что согласится, но всё ещё пытаюсь понять все нюансы ситуации.

– Отправляли, – впервые подал голос Кашима. – Три беспилотных разведчика. Два сгорели при приближении к станции, третий потерял все системы связи, как только вошёл в главный шлюз.

– Что-то блокирует электронику? – нахмурился Алексей.

– Или кто-то, – тихо добавил Ли. – Мы не можем исключать... разумное вмешательство.

В конференц-зале повисла тишина. Алексей ощутил, как по спине пробежал холодок.

– Вы считаете, что там могут быть выжившие? Спустя двести лет?

– Мы ничего не считаем, – отрезала Каратаева. – Мы собираем факты. А факты говорят, что технологический объект, построенный людьми, продолжает функционировать значительно дольше проектного срока и проявляет признаки... избирательности в том, что он допускает к себе.

– Поэтому нам нужна пилотируемая экспедиция, – продолжил Ли. – С экспертами, способными принимать нестандартные решения на месте.

– И с определёнными этическими рамками, – добавил Кашима. – Если мы столкнёмся с чем-то... или кем-то, представляющим новую форму разумной жизни, мы должны быть готовы действовать соответствующим образом.

– Новую форму разумной жизни? – Алексей не смог сдержать скептицизм в голосе. – На заброшенной человеческой станции?

– Профессор, – Каратаева подалась вперёд, и её глаза сверкнули металлическим блеском. – Двести лет назад на «Гермесе» находился самый продвинутый квантовый компьютер своего времени. Компьютер, специально спроектированный для симуляции сложных нейронных сетей и моделирования сознания. Бортовые записи свидетельствуют, что в момент катастрофы проводился эксперимент по переносу активности мозга в цифровую среду.

– Вы не думаете... – начал Алексей, но замолк, осознав импликацию.

– Мы не думаем, – повторила Каратаева твёрдо. – Мы только собираем факты. И нам нужны лучшие специалисты, чтобы интерпретировать их.

– Когда вам нужен мой ответ?

– Сейчас было бы идеально, – улыбнулась Каратаева. – Корабль к «Цандеру» отбывает через три дня.

Алексей посмотрел на марсианский пейзаж за окном. Солнце уже скрылось, и холодные сумерки окутывали древние красные равнины.

– Я согласен.

Когда конференция завершилась, он ещё долго стоял у обзорного купола, глядя, как над горизонтом восходят звёзды. Где-то там, в холодной темноте на краю Солнечной системы, его ждала загадка, которая могла изменить всё, что человечество знало о границах между жизнью и смертью, между плотью и цифрой.

Он не мог не думать о тех двенадцати учёных. О том, что могло случиться с их сознаниями, если эксперимент удался в момент физической катастрофы. О том, во что могли превратиться эти сознания за двести лет изоляции в квантовой матрице.

Где-то там, в пустоте, ждало эхо прошлого, готовое заговорить с настоящим. И он собирался его услышать.

Сборы заняли меньше времени, чем Алексей ожидал. Десять лет на Марсе не сделали его коллекционером материальных ценностей. Одежда, несколько любимых бумажных книг

(редкий анахронизм в цифровую эпоху), личный планшет с исследовательскими данными и небольшая коллекция археологических образцов, слишком незначительных, чтобы передавать их в музей, но достаточно интересных, чтобы сохранить.

Его жилище – стандартный модуль в научном секторе колонии Ньютон-3 – выглядело почти необжитым, когда он закрывал дверь. Словно он всегда знал, что это лишь временное пристанище.

Шаттл до орбитальной станции, откуда отправлялись корабли к внешним планетам, ничем не отличался от десятков других, на которых ему приходилось летать за годы работы. Стандартизированная техника, удобные, но безликие кресла, вежливый, но отстранённый экипаж. Современная космонавтика ценила эффективность выше романтики.

Когда шаттл отстыковался от марсианского порта и начал набирать высоту, Алексей позволил себе несколько минут ностальгии, глядя на постепенно уменьшающийся красный диск планеты. Он не был уверен, что вернётся сюда. Интуиция подсказывала, что после «Гермеса» всё будет иначе.

Полёт до орбитальной станции «Олимп», обслуживающей марсианские колонии, занял четыре часа. Оттуда, после короткой пересадки, Алексей отправился на межпланетном транспорте к главным воротам внешней Солнечной системы – орбитальной станции «Цандер».

Путешествие заняло почти две недели. Для пассажиров это время проходило в гибернации – технология, доведённая почти до совершенства к 23-му веку. Глубокий сон, замедляющий метаболизм и предотвращающий психологическое напряжение от длительной изоляции в тесном пространстве.

Пробуждение было постепенным. Сначала возвращение сознания, потом ощущения тела, затем способность двигаться. Всё это время бортовой медицинский ИИ внимательно следил за показателями, чтобы предотвратить возможные осложнения.

Алексей открыл глаза в стерильно-белой каюте реабилитационного отсека. Над ним склонилась медицинская сестра – женщина с короткими серебристыми волосами и характерной синей татуировкой на виске, обозначающей принадлежность к медицинской гильдии. Её зрачки периодически расширялись – признак активного использования профессионального нейроинтерфейса, считывающего показатели пациента.

– Добро пожаловать на «Цандер», профессор Соколов, – произнесла она, убедившись, что его сознание полностью прояснилось. – Все показатели в норме. Как вы себя чувствуете?

– Как будто проспал две недели, – попытался пошутить Алексей, но голос прозвучал хрипло.

– Технически, одиннадцать дней и семь часов, – улыбнулась медсестра, подавая ему стакан с регидрационным раствором. – Выпейте это, восстановит электролитный баланс.

Алексей послушно выпил слегка солоноватую жидкость и почувствовал, как тело начинает возвращаться к жизни.

– Я должен доложить о своём прибытии руководителю экспедиции, – произнёс он, пытаясь сесть.

– Вам назначена встреча через три часа, – остановила его медсестра. – Доктор Каратаева настаивала на полной реабилитационной процедуре. Никаких исключений.

– Доктор Каратаева? – удивился Алексей. – Она уже здесь?

– Прибыла два дня назад с Титана. Кажется, все члены экспедиции уже на борту. Вы последний.

Реабилитационные процедуры были стандартными, но тщательными. Полный медицинский скан, серия упражнений для восстановления мышечного тонуса, метаболическая стимуляция. К моменту завершения Алексей чувствовал себя даже лучше, чем до погружения в гибернацию.

Персональный терминал, выданный ему после реабилитации, содержал карту станции и детали предстоящей встречи. Алексей быстро изучил маршрут до конференц-зала в научном секторе и отправился туда, стараясь не отвлекаться на окружающую обстановку.

Станция «Цандер», расположенная на орбите Юпитера, была одним из крупнейших человеческих сооружений в космосе. Построенная в форме вращающегося тора для создания искусственной гравитации, она служила перевалочным пунктом для грузов и пассажиров, направляющихся к внешним планетам, и центром управления для многочисленных исследовательских миссий.

Внутренние помещения станции были спроектированы с функциональной элегантностью. Гладкие стены с мягким рассеянным светом, широкие коридоры с изогнутым потолком, напоминающим о том, что вы находитесь на внутренней поверхности гигантского кольца. Повсюду – утилитарные, но приятные глазу детали: живые растения в гидропонных контейнерах, информационные панели с постоянно обновляющимися данными, произведения искусства, созданные для снижения психологического давления замкнутого пространства.

Конференц-зал, куда прибыл Алексей, выглядел импозантно. Круглое помещение с панорамным обзорным экраном, имитирующим вид на Юпитер, массивный стол из композитных материалов, выглядящий как полированное дерево, и высокотехнологичные кресла, автоматически подстраивающиеся под физиологию сидящего.

Когда Алексей вошёл, за столом уже находилось четверо человек. Елена Каратаева – её он узнал сразу, хотя в реальности она выглядела более сухощавой и напряжённой, чем в голографической проекции. Рядом сидел Идрис Кашима, которого он тоже помнил по конференц-вызову.

Двое других были ему незнакомы. Высокий мужчина средних лет с аккуратной бородой и спокойными, внимательными глазами. И молодая женщина азиатской внешности с короткими чёрными волосами и нейроимплантатами, куда более заметными и сложными, чем у Кашимы – они охватывали оба виска и частично уходили за линию волос.

– Профессор Соколов, – Каратаева поднялась ему навстречу. – Рада, что вы благополучно добрались. Присаживайтесь, мы как раз начинаем.

Алексей кивнул и занял свободное место, с интересом разглядывая присутствующих. На столе перед каждым участником светился голографический идентификатор с именем и специализацией.

– Позвольте представить вам команду, – продолжила Каратаева. – С Идрисом Кашимой вы уже знакомы. Также с нами Михаил Лазарев, – она указала на бородатого мужчину, – нейробиолог, ведущий специалист по сознанию и его возможному переносу в цифровую среду. И Сара Чжан, – кивок в сторону молодой женщины, – квантовый инженер, одна из разработчиков новейшей серии квантовых процессоров Q-Mind.

– Рад знакомству, – Алексей кивнул каждому из присутствующих. – Надеюсь, моя экспертиза будет полезна.

– В этом нет сомнений, – Каратаева активировала центральную проекционную систему стола. – Перейдём к делу. Перед нами стоит задача исключительной важности и сложности.

Над столом возникла детализированная трёхмерная модель станции «Гермес» – та же, что Алексей видел во время конференц-вызова, но значительно более подробная.

– Как вы можете видеть, – Каратаева указала на различные сегменты модели, – несмотря на повреждения внешней структуры, основные модули станции сохранились. Жилой отсек, лаборатории, центральное вычислительное ядро. Наши сканеры зафиксировали минимальную атмосферную утечку, что предполагает сохранение части герметичных отсеков.

– Учитывая возраст станции, это уже само по себе необычно, – вставил Лазарев. Его голос был глубоким и размеренным, с едва заметным акцентом, выдающим славянские корни. – Но настоящей загадкой является активность квантового компьютера.

Изображение изменилось, теперь показывая энергетические сигнатуры, исходящие от центрального модуля станции.

– Вот данные, собранные за последние три месяца, – Сара Чжан подалась вперёд, её глаза сверкали профессиональным возбуждением. – Квантовый компьютер не просто функционирует – он демонстрирует невероятно сложную активность. Паттерны, которые я вижу здесь... – она указала на переплетающиеся энергетические потоки, – соответствуют процессам квантовой обработки информации невообразимой сложности.

– Проще говоря, – продолжил Кашима, – эта машина работает так, словно выполняет задачу планетарного масштаба. Такие энергетические паттерны мы обычно наблюдаем у квантовых систем, моделирующих климат целой планеты или просчитывающих эволюцию звёздных скоплений.

Алексей нахмурился, пытаясь осмыслить информацию.

– Но квантовые системы двухсотлетней давности не должны быть способны на такую производительность. Технологический уровень того времени...

– Именно, – Сара кивнула с энтузиазмом. – В теории, компьютер «Гермеса» не должен был бы справиться даже с базовой операционной системой современного нейроинтерфейса. Но он каким-то образом не только работает, но и выполняет вычисления, которые поставили бы в тупик большинство современных систем.

– Мы имеем несколько рабочих гипотез, – вмешалась Каратаева. – От самых консервативных до... весьма экзотических.

– И какая из них представляется наиболее вероятной? – спросил Алексей.

Наступила короткая пауза. Присутствующие обменялись взглядами, словно решая, кто должен ответить.

– Моя гипотеза, – наконец произнёс Лазарев, – заключается в том, что эксперимент по переносу сознания, проводившийся на «Гермесе», мог оказаться успешным. В момент катастрофы сознания членов экипажа могли быть загружены в квантовую матрицу. И с тех пор они... эволюционируют.

– Эволюционируют? – Алексей не смог скрыть скептицизм. – Двести лет изолированного существования в компьютере?

– Двести лет по нашему времени, – тихо заметила Сара. – Но внутри квантовой системы время может течь иначе. Гораздо быстрее.

– И насколько быстрее? – Алексей почувствовал, как по спине пробежал холодок.

– Теоретически? – Сара подняла брови. – В зависимости от архитектуры системы и доступных вычислительных ресурсов... один наш день может равняться годам или даже десятилетиям субъективного времени внутри симуляции.

В комнате повисла тишина. Алексей осознал импликации. Двести лет во внешнем мире могли превратиться в тысячи или даже десятки тысяч лет субъективного опыта для сознаний, запертых в квантовой матрице.

– Если это так, – медленно произнёс он, – то мы можем столкнуться с чем-то... совершенно чужим. Несмотря на человеческое происхождение.

– Именно поэтому в состав экспедиции включены специалисты различных профилей, – кивнула Каратаева. – Нам предстоит не только технологическая, но и этическая задача.

– Есть ещё кое-что, – добавил Кашима, активируя собственный информационный пакет на проекции. – Данные с наших сканеров указывают на то, что в стазис-камерах жилого отсека «Гермеса» обнаружены признаки биологической активности.

– Хотите сказать, там есть живые люди? – Алексей не верил своим ушам.

– Не совсем, – покачал головой Лазарев. – Скорее, сохранённые биологические тела. По предварительным данным, они находятся в состоянии глубокого анабиоза, поддерживае-

мого неизвестной нам технологией. Но эти данные очень приблизительные. Мы сможем узнать больше только при непосредственном контакте.

– Возможно, – задумчиво произнесла Сара, – сознания были перенесены в квантовую матрицу, но оригинальные тела не были уничтожены. Они сохраняются в состоянии глубокой консервации.

– Зачем? – спросил Алексей. – Если технология переноса сознания работает, зачем сохранять физические оболочки?

– Резервная копия? – предположил Кашима. – Страховка на случай отказа цифровой системы?

– Или, – тихо добавил Лазарев, – напоминание о человеческом происхождении. Якорь, не позволяющий полностью оторваться от биологических корней.

– Всё это лишь предположения, – вернула разговор в практическое русло Каратаева. – Наша задача – отправиться туда и выяснить истину. И, возможно, спасти то, что осталось от экипажа «Гермеса», в какой бы форме они ни существовали сейчас.

– Когда мы отправляемся? – спросил Алексей, уже полностью втянутый в интригующую перспективу.

– Корабль «Тезей» готов к отбытию, – ответила Каратаева. – Мы стартуем через тридцать шесть часов. До этого момента у вас есть время ознакомиться с полной документацией по станции «Гермес» и её экипажу, а также пройти финальные медицинские проверки.

Встреча завершилась, но Алексей не спешил покидать конференц-зал. Он остался рассматривать голографическую проекцию «Гермеса», пытаясь представить, что могло происходить там все эти годы. Если теория верна, если сознания экипажа действительно существуют в квантовой матрице... Как они воспринимают время? Как изменились за эти столетия? Считают ли они себя всё ещё людьми?

И самое главное – хотят ли они, чтобы их нашли?

Глава 2: Созвездие умов

Алексей провёл ночь перед отправлением, изучая материалы экспедиции – технические спецификации станции «Гермес», биографии её экипажа, протоколы последних сеансов связи перед катастрофой. Информации было много, но всё же недостаточно, чтобы сложить полную картину произошедшего.

Особенно его интересовала квантовая вычислительная система, сердце «Гермеса». В 2085 году это была революционная технология, сочетавшая классические принципы квантовых вычислений с нейроморфной архитектурой, специально разработанной для моделирования процессов человеческого мозга.

Одно имя в технической документации привлекло его внимание – доктор Элизабет Ян, руководитель исследовательской группы и главный архитектор системы переноса сознания. Её последняя научная работа, опубликованная незадолго до отправления на «Гермес», называлась «Квантовая мнемоника: теоретические основы для сохранения непрерывности сознания в неорганических субстратах». Алексей нашёл полный текст в архиве и погрузился в чтение.

Технические детали были сложны даже для его подготовленного ума, но основная идея захватывала воображение. Ян предполагала, что сознание может быть представлено как квантовое состояние, существующее не только в физическом мозге, но и в более абстрактном пространстве возможностей. Если это верно, то теоретически возможно «скопировать» это состояние и воссоздать его в другом субстрате.

«Важно понимать, – писала Ян, – что простое копирование нейронных связей недостаточно для переноса истинного "я". Необходимо сохранить именно квантовую связность сознания – то неуловимое свойство, которое превращает сеть нейронов в единый субъективный опыт. Наша гипотеза заключается в том, что квантовые эффекты в микротрубочках нейронов могут быть ключом к этой загадке...»

Размышления прервал сигнал интеркома. Мягкий женский голос с легким скандинавским акцентом сообщил:

– Профессор Соколов, ваше присутствие требуется в медицинском отсеке для финальной подготовки. Пожалуйста, прибудьте в течение тридцати минут.

Алексей закрыл документацию, потёр уставшие глаза и поднялся. За иллюминатором его временной каюты виднелся величественный Юпитер – огромный газовый гигант с переплетающимися полосами облаков и знаменитым Большим Красным Пятном, видимым даже с такого расстояния.

Странно, подумал он, как человечество одновременно продвинулось так далеко и осталось таким уязвимым. Мы строим станции у дальних планет, но всё ещё боимся смерти. Создаём квантовые компьютеры, но не можем разгадать тайну собственного сознания. Отправляем экспедиции на край Солнечной системы, но всё ещё ищем утраченные связи с прошлым.

Возможно, именно в этом парадоксе и заключалась подлинная сущность человека. Существа, вечно балансирующего между достижениями и сомнениями, между гордостью и страхом.

Медицинский отсек «Цандера» представлял собой комплекс из нескольких взаимосвязанных помещений, оборудованных по последнему слову науки. Алексея встретила та же серебристоволосая медсестра, которая принимала его после гибернации.

– Профессор Соколов, я Ингрид Свенссон, старший медицинский специалист экспедиции, – представилась она официально. – Сегодня мы проведём полный пред-полётный протокол и имплантацию специализированного нейроинтерфейса для миссии.

– Имплантацию? – Алексей нахмурился. – В моём досье не было информации о необходимости имплантатов.

– Это стандартная процедура для дальних экспедиций, – терпеливо объяснила Ингрид. – Базовый временный имплантат, улучшающий коммуникацию внутри команды и обеспечивающий постоянный мониторинг жизненных показателей. Он полностью биосовместим и саморассасывается через шесть месяцев после установки.

Алексей неохотно кивнул. Он всегда сторонился инвазивных модификаций, предпочитая внешние нейроинтерфейсы, но понимал, что в условиях потенциально опасной миссии такая предосторожность оправдана.

Процедура оказалась быстрой и практически безболезненной. Микроскопические имплантаты были введены через височную область с помощью тонкой иглы-инжектора. Они самостоятельно перемещались по кровотоку, пока не достигали нужных участков мозга, где прикреплялись к нейронам, образуя интерфейс.

– Активирую систему, – произнесла Ингрид, вводя команду в медицинский терминал.

Мир перед глазами Алексея на мгновение исказился, а затем обрёл новое измерение. Теперь он видел не только физическую реальность, но и наложенный поверх неё слой информации – состояние собственного организма, канал связи экспедиции, маршрут до следующего пункта назначения. Всё это ненавязчиво присутствовало на периферии зрения, не мешая, но всегда доступное при необходимости.

– Как ощущения? – спросила Ингрид, внимательно наблюдая за его реакцией.

– Непривычно, – честно ответил Алексей. – Но не неприятно. Более... интегрированно, чем внешние интерфейсы.

– Через несколько часов вы перестанете замечать разницу, – улыбнулась она. – Система адаптируется к вашим когнитивным паттернам.

После завершения процедуры Алексея направили в бриф-зал, где уже собирались остальные члены экспедиции. Он узнал знакомые лица с вчерашней встречи – Каратаеву, Лазарева, Кашиму и Чжан. Но теперь к ним присоединились и другие специалисты.

Елена Каратаева стояла в центре зала, проецируя информационные схемы прямо в воздух перед собой с помощью нейроинтерфейса. Увидев Алексея, она кивнула ему и продолжила объяснение.

– Итак, полный состав экспедиции включает десять человек, – её голос был чётким и командным. – Основная научная группа: я как руководитель, профессор Соколов как археолог и эксперт по технологиям ранней космической эры, доктор Лазарев как нейробиолог, доктор Чжан как квантовый инженер, доктор Кашима как специалист по этике ИИ. Техническая поддержка: инженер-системщик Томас Рейнольдс, специалист по жизнеобеспечению Ольга Кузнецова. Медицинское сопровождение: доктор Свенссон. И пилоты: капитан Ахмед Фарук и навигатор Диана Мендес.

Каратаева обвела взглядом присутствующих, убеждаясь, что все поняли структуру команды.

– Наша миссия разделена на три фазы, – продолжила она. – Первая: безопасное прибытие и внешняя разведка станции. Вторая: проникновение внутрь, восстановление систем жизнеобеспечения и предварительный анализ. Третья: детальное исследование квантового ядра и, в зависимости от результатов, возможная операция по спасению экипажа «Гермеса», если их биологические тела действительно находятся в состоянии, пригодном для реанимации.

Высокий седовласый мужчина с жёстким, словно высеченным из камня лицом – Алексей идентифицировал его как капитана Фарука – поднял руку.

– Доктор Каратаева, какова официальная позиция Консорциума относительно... цифровых форм жизни, которые мы потенциально можем обнаружить?

Вопрос повис в воздухе. Каратаева помедлила с ответом, тщательно подбирая слова.

– Официальная позиция Консорциума заключается в том, что мы должны собрать всю доступную информацию и, если возможно, спасти физические тела экипажа. Что касается воз-

можных цифровых форм сознания... – она бросила быстрый взгляд на Кашиму, – это будет зависеть от того, что именно мы обнаружим. Консорциум признаёт возможность существования самоосознающих цифровых сущностей и необходимость этического подхода к взаимодействию с ними.

– То есть, у нас нет чёткого протокола? – уточнил Фарук, явно не удовлетворённый ответом.

– Капитан, – мягко вмешался Кашима, – невозможно создать протокол для ситуации, параметры которой нам неизвестны. Если мы действительно обнаружим эволюционировавшее цифровое сознание с историей развития, охватывающей тысячелетия субъективного опыта... мы столкнёмся с чем-то беспрецедентным. Наша задача – подходить к каждому решению с максимальной осторожностью и уважением к потенциальным формам разума.

Алексей заметил, как при этих словах Каратаева слегка нахмурилась. Очевидно, между научным руководителем и этиком существовали некоторые разногласия относительно приоритетов миссии.

Стройная женщина с тёмными волосами, собранными в тугой пучок – Ольга Кузнецова, специалист по жизнеобеспечению – задала следующий вопрос:

– Что мы знаем о текущем состоянии систем «Гермеса»? Сможем ли мы восстановить базовое жизнеобеспечение, если оно отсутствует?

– Наши сканеры показывают минимальную активность в соответствующих секторах станции, – ответила Каратаева. – Это может означать, что некоторые системы всё ещё функционируют, хотя бы частично. Мы взяли с собой полный комплект автономного оборудования, включая портативные генераторы атмосферы и модульные сегменты для ремонта критических систем. Инженер Рейнольдс подготовил подробный план по этому вопросу.

Крепкий мужчина с практичным, деловым видом – очевидно, Рейнольдс – коротко кивнул, подтверждая слова руководителя.

– А что с квантовым ядром? – спросила Сара Чжан, подаваясь вперёд. Её глаза блестели от научного любопытства. – Какова вероятность того, что мы сможем установить прямой интерфейс с системой двухвековой давности?

– Это одна из главных технических проблем миссии, – признала Каратаева. – Мы взяли с собой весь спектр адаптеров и преобразователей, а также разработанное вами программное обеспечение для установления базового контакта. Но многое будет зависеть от того, насколько система... эволюционировала за это время.

– Если наша гипотеза верна, и внутри действительно существует развитое цифровое сознание, – добавил Лазарев, – то возможно, оно само решит, вступать ли с нами в контакт. И если да, то на каких условиях.

– Оно может воспринимать нас как угрозу, – задумчиво произнёс Алексей. – Мы врываемся в их мир после столетий изоляции. С их субъективной точки зрения, это может выглядеть как вторжение инопланетян.

– Именно поэтому наш первый контакт должен быть предельно осторожным, – согласился Кашима. – Мы должны проявлять уважение и готовность к диалогу, а не действовать с позиции исследователей, изучающих лабораторный образец.

– При всём уважении к этическим соображениям, – Каратаева слегка повысила голос, – наша первоочередная задача – оценка и, если возможно, спасение физических тел экипажа. По данным сканирования, они находятся в критическом состоянии. У нас может быть очень ограниченное время для принятия решений.

Возникла напряженная пауза. Алексей ощутил нарастающее противоречие между различными аспектами миссии. Спасение физических тел могло потребовать действий, потенциально угрожающих цифровой экосистеме. И наоборот, сохранение целостности квантовой системы могло ограничить возможности по спасению биологических форм.

– Предлагаю отложить эти дискуссии до момента, когда у нас будет больше данных, – дипломатично произнесла Диана Мендес, навигатор. Её спокойный голос разрядил напряжение. – Мы должны сначала добраться до места и оценить реальную ситуацию.

– Разумное предложение, – кивнула Каратаева. – Переходим к следующему пункту – техническим деталям перелёта. Капитан Фарук, прошу вас.

Пока капитан объяснял маршрут и особенности навигации в поясе Койпера, Алексей наблюдал за присутствующими, пытаясь лучше понять динамику формирующейся команды.

Каратаева была явным лидером – решительная, прагматичная, ориентированная на результат. Её интерес к квантовому компьютеру казался более утилитарным, чем научным – она видела в нём ценный ресурс для Консорциума, а не философскую загадку.

Лазарев, напротив, излучал спокойную вдумчивость учёного, посвятившего жизнь фундаментальным вопросам сознания. Его отношение к возможным цифровым обитателям «Гермеса» было почти благоговейным, как к потенциальному ответу на величайшие вопросы его области.

Сара Чжан казалась одержимой технологическим аспектом – её интересовал сам квантовый компьютер, его архитектура, принципы работы, возможности. Для неё это была профессиональная загадка высшего порядка.

Кашима, с его этическим фокусом, представлялся наиболее уязвимым членом команды в смысле влияния на конечные решения. Его аргументы о правах цифровых сознаний звучали убедительно в теории, но Алексей сомневался, что они будут иметь решающий вес в критической ситуации.

Технические специалисты – Рейнольдс и Кузнецова – были типичными инженерными умами: практичными, ориентированными на решение конкретных проблем. Они, вероятно, будут держаться в стороне от философских дискуссий, но их экспертиза может оказаться решающей в критические моменты.

Ингрид Свенссон, с её медицинским фокусом, была загадкой. Она казалась полностью поглощённой своими профессиональными обязанностями, но Алексей заметил, что она очень внимательно слушала дискуссию о цифровых формах жизни.

Экипаж – Фарук и Мендес – были профессионалами высочайшего класса, это читалось в их движениях, в чёткости их объяснений. Они, скорее всего, будут следовать инструкциям руководства миссии, но Алексей отметил определённую независимость суждений, особенно у Мендес.

А кем был в этой конstellляции он сам? Алексей задумался. Археолог, специализирующийся на технологическом прошлом, человек, привыкший раскапывать секреты давно исчезнувших цивилизаций. Но «Гермес» представлял собой нечто иное – не мёртвый артефакт, а потенциально живую, эволюционировавшую систему. Его привычный инструментарий мог оказаться неадекватным для этой задачи.

Брифинг завершился объявлением графика отправления. Корабль «Тезей» должен был стартовать через четыре часа. Всем членам экспедиции рекомендовалось отдохнуть перед длительным путешествием.

Выйдя из бриф-зала, Алексей не отправился сразу в свою каюту. Вместо этого он пошёл в наблюдательную галерею станции – длинный коридор с панорамными иллюминаторами, выходящими в открытый космос. Отсюда открывался захватывающий вид на Юпитер и звёздное пространство за ним.

Он стоял, облокотившись на поручень, и смотрел на далёкие звёзды, когда услышал шаги за спиной.

– Впечатляющий вид, не правда ли? – негромкий голос Михаила Лазарева нарушил тишину. Нейробиолог подошёл и встал рядом, тоже глядя в космическую бездну. – Иногда я

думаю, что именно поэтому мы так стремимся в космос. Не ради ресурсов или научных открытий, а ради этого чувства... бесконечности возможностей.

– Возможно, – согласился Алексей. – Хотя большинство моих коллег предпочитают более приземлённые объяснения.

– Такие как стремление к бессмертию? – Лазарев бросил на него испытующий взгляд. – Разве не об этом, в конечном счёте, был проект на «Гермесе»?

Алексей помолчал, обдумывая ответ.

– Я читал работы Элизабет Ян, – наконец произнёс он. – Её интересовала не столько продолжительность существования, сколько природа самого сознания. Она считала, что перенос сознания в цифровую среду может ответить на фундаментальные вопросы о том, что делает нас... нами.

– Верно, – Лазарев улыбнулся с некоторым удовлетворением, словно Алексей прошёл негласный тест. – Ян была визионером. Она опередила своё время на столетия. Её теории о квантовой природе сознания сейчас переживают ренессанс в научном сообществе.

– Вы верите, что мы найдём подтверждение её теорий на «Гермесе»?

– Я верю, – Лазарев посмотрел ему прямо в глаза, – что мы найдём нечто, способное полностью изменить наше понимание сознания и реальности. Будь то успех эксперимента Ян или его непредвиденные последствия.

– А что думает об этом наш руководитель? – осторожно спросил Алексей, желая прощупать внутреннюю динамику команды.

Лазарев тихо хмыкнул, глядя вдаль.

– Доктор Каратаева – блестящий учёный и эффективный администратор. Но её интересы... несколько отличаются от моих. Для неё квантовый компьютер «Гермеса» – это прежде всего технология, которую нужно изучить, документировать и, если возможно, воспроизвести. Сознания, которые могут там существовать, для неё второстепенны.

– А для вас?

– Для меня они – главная цель. Представьте, профессор: сознания, эволюционировавшие в цифровой среде на протяжении тысяч субъективных лет. Какими они стали? Как изменилось их восприятие? Их ценности? Их понимание реальности? Это не просто научный вопрос – это вопрос о самой сущности человеческого опыта и его границах.

Алексей кивнул, понимая энтузиазм коллеги. Сам он относился к ситуации с большей долей скептицизма, но не мог отрицать философской значимости вопроса.

– А что, если эти сознания уже не считают себя людьми? – спросил он. – Что, если они эволюционировали в нечто совершенно иное?

– Тогда, – глаза Лазарева загорелись, – мы станем свидетелями рождения новой формы разума. Постчеловеческого разума, если хотите. И это будет величайшее открытие в истории.

Их разговор прервал системный вызов по нейроинтерфейсу. Судя по идентификатору, сообщение было от Каратаевой и адресовалось всем членам экспедиции.

«Внимание всем участникам миссии «Гермес». График отправления изменён. Старт через два часа. Просьба завершить все приготовления и прибыть к стыковочному шлюзу 12-В к указанному времени».

– Интересно, что вызвало изменение планов, – задумчиво произнёс Лазарев.

– Возможно, новые данные с «Гермеса»? – предположил Алексей.

– Или политические соображения, – Лазарев позволил себе лёгкую улыбку. – Консорциум не единственная организация, заинтересованная в технологических артефактах прошлого.

Они разошлись, каждый направляясь к своей каюте для завершения подготовки. По пути Алексей размышлял о многослойной структуре экспедиции – официальные цели, личные интересы, скрытые мотивы. Как археолог, он привык распутывать сложные сети отношений и вли-

яний, читая их по материальным следам прошлого. Но здесь, в живом настоящем, это было сложнее. Мотивы людей оставались непрозрачными, а истинные цели могли скрываться за сложными профессионального жаргона и институциональной политики.

В своей каюте он быстро собрал немногочисленные личные вещи и проверил исследовательское оборудование. Нейроинтерфейс подсказывал, что до назначенного времени остаётся меньше часа.

Перед выходом Алексей на мгновение задержался у иллюминатора. Юпитер висел в пространстве как гигантский разноцветный глаз, наблюдающий за людьми со снисходительным безразличием древнего божества. А где-то далеко, у самого края Солнечной системы, их ждала встреча с чем-то, что, возможно, больше не было человеческим, но родилось из человеческих умов.

Назначенная точка сбора – стыковочный шлюз 12-В – представляла собой просторное помещение с герметичными дверями, ведущими к пристыкованному кораблю. Когда Алексей прибыл, большинство членов экспедиции уже были на месте, тихо переговариваясь между собой. Лица были сосредоточенными, в воздухе чувствовалось напряжённое ожидание.

«Тезей» – исследовательский корабль дальнего действия, спроектированный специально для миссий к границам Солнечной системы. Его компактные размеры компенсировались продвинутыми системами жизнеобеспечения и мощной двигательной установкой.

Елена Каратаева появилась последней. Её лицо выражало сдержанное волнение.

– Благодарю всех за оперативность, – начала она без предисловий. – Причина изменения графика – новые данные, полученные с «Гермеса». Интенсивность квантовой активности возросла на тридцать процентов за последние шесть часов. Это может указывать на изменения в системе, природу которых мы пока не понимаем. Консорциум считает критически важным достичь станции как можно скорее.

– Это может быть реакция на наше предыдущее сканирование? – спросила Сара Чжан. – Своего рода... ответ?

– Возможно, – не стала отрицать Каратаева. – В любом случае, это усиливает необходимость в скорейшем отбытии. Капитан Фарук, корабль готов?

– Все системы проверены и функционируют нормально, – отчеканил капитан. – «Тезей» готов к отбытию.

– Тогда приступаем к посадке, – Каратаева кивнула в сторону шлюза.

Процесс был организован с военной чёткостью. Каждый член экспедиции проходил через санитарный шлюз, где его одежда и снаряжение подвергались финальной дезинфекции, а затем направлялся к своему месту на корабле.

Внутреннее пространство «Тезея» было компактным, но эргономичным. Центральный отсек совмещал функции командного центра и общего жилого помещения. Вокруг него располагались индивидуальные каюты – крошечные, по сути всего лишь спальные капсулы с минимальным пространством для личных вещей. Отдельно находились научная лаборатория, медицинский отсек и инженерный модуль.

Алексей разместил своё скромное имущество в назначенной ему капсуле и вернулся в центральный отсек. Экипаж готовился к отстыковке, Каратаева и другие учёные занимали пассажирские кресла, оборудованные системами безопасности для старта.

Капитан Фарук и навигатор Мендес сидели за пультами управления, их руки двигались с отточенной точностью, запуская предполётные протоколы. Нейроинтерфейсы в их головах светились ярче обычного – признак интенсивного взаимодействия с бортовыми системами.

– Отстыковка через три минуты, – объявила Мендес. – Всем пристегнуться и перейти в режим полётной готовности.

Алексей занял своё место и активировал ремни безопасности. Его нейроинтерфейс автоматически подключился к общекорабельной сети, давая доступ к базовой информации о состоянии систем и ходе полёта.

– Профессор, – обратилась к нему Сара Чжан с соседнего кресла, – вам доводилось бывать в поясе Койпера раньше?

– Нет, – покачал головой Алексей. – Мои экспедиции ограничивались внутренними планетами и их спутниками. Пояс Койпера для меня новая территория.

– Для большинства из нас, – Сара улыбнулась с энтузиазмом. – Это пограничная зона Солнечной системы. Место, где заканчивается наше влияние и начинается глубокий космос. Идеальное место для... встречи с чем-то новым.

– Отсчёт до отстыковки, – голос Мендес прервал их разговор. – Десять, девять, восемь...

Когда прозвучало «ноль», раздался приглушённый звук разделения стыковочных механизмов, и корабль чуть заметно дрогнул. На внешних экранах было видно, как «Тезей» медленно отходит от станции «Цандер».

– Манёвровые двигатели активированы, – сообщил Фарук. – Выход на расчётную траекторию через семь минут. Основной двигатель будет запущен после достижения безопасного расстояния.

Алексей смотрел на удаляющуюся станцию – кольцообразная конструкция постепенно уменьшалась, превращаясь в блестящую точку на фоне величественного Юпитера. Его охватило странное чувство – смесь возбуждения, тревоги и необъяснимой печали. Словно он оставил позади не просто физическое место, но и часть себя.

Через двадцать минут «Тезей» достиг запланированной позиции для активации основного двигателя.

– Активация квантово-вакуумного двигателя через тридцать секунд, – объявила Мендес. – Всем приготовиться к ускорению.

Современные квантово-вакуумные двигатели не создавали такой колоссальной перегрузки, как химические ракеты прошлого, но момент их активации всё равно ощущался физически. Что-то похожее на мягкий, но настойчивый толчок в спину, за которым следовало странное ощущение лёгкости, как если бы тело на мгновение стало невесомым.

Корабль устремился к внешним рубежам Солнечной системы, постепенно набирая скорость.

– Расчётное время полёта до целевой точки – семь дней, – сообщил Фарук. – Через два часа мы перейдём в режим долгосрочного полёта. Рекомендую использовать это время для акклиматизации и финального инструктажа.

Когда первичное ускорение завершилось, пассажиры получили разрешение отстегнуться и свободно перемещаться по кораблю. Каратаева собрала научную команду в небольшой конференц-зоне центрального отсека.

– Наше путешествие будет длиться неделю, – начала она без предисловий. – Предлагаю использовать это время для разработки детальных протоколов исследования и, что особенно важно, стратегий контакта.

– Вы действительно считаете, что нас может ждать контакт с разумной цифровой формой жизни? – спросил Алексей.

– Я считаю, – ответила Каратаева с неожиданной интенсивностью, – что мы должны быть готовы к любому сценарию. От обнаружения нефункционирующих останков станции до встречи с развитой цифровой цивилизацией. И я предпочитаю, чтобы у нас были протоколы для каждой возможности.

– Разумный подход, – кивнул Кашима. – Я подготовлю набор этических рекомендаций для различных сценариев контакта, от минималистического до полномасштабного.

– Я бы хотел заняться изучением возможных интерфейсов между нашими современными нейросистемами и квантовым компьютером «Гермеса», – предложил Лазарев. – Если там действительно существуют сознания, нам понадобится способ коммуникации.

– Согласна, – поддержала Сара. – Я помогу с технической стороной вопроса. У меня есть несколько идей относительно адаптеров для устаревших квантовых архитектур.

– А что насчёт меня? – спросил Алексей, чувствуя, что каждый находит свою нишу, кроме него.

– Вы, профессор, – Каратаева повернулась к нему, – наш эксперт по историческому и технологическому контексту. Я хотела бы, чтобы вы составили детальный обзор всего, что известно о станции «Гермес», её создателях, и особенно о проекте переноса сознания. Возможно, в этих материалах есть ключи, которые мы упускаем.

Алексей кивнул, принимая задание. Это соответствовало его квалификации и давало конкретное направление для работы.

Следующие часы команда провела в интенсивном обмене информацией и планировании. Каратаева настояла на создании общего информационного пространства через нейроинтерфейсы, где каждый мог делиться своими находками и идеями в реальном времени.

К моменту, когда корабль перешёл в режим долгосрочного полёта, и часть экипажа отправилась отдыхать, Алексей чувствовал себя полностью погружённым в историю «Гермеса». Он проанализировал всю доступную информацию об экспедиции двухсотлетней давности, о членах экипажа, об их научных публикациях и личных записях.

Двенадцать человек, отправившихся к границам Солнечной системы в поисках научного прорыва. Двенадцать блестящих умов, объединённых амбициозным проектом, который должен был изменить представление человечества о сознании и его границах.

Элизабет Ян, руководитель проекта, блестящий квантовый физик и нейробиолог. Джеймс Чен, инженер-системщик, создатель уникальной квантовой архитектуры. Ана Сантос, специалист по сознанию и когнитивным моделям. Михаил Кронидов, эксперт по квантовым вычислениям. И ещё восемь учёных различных специальностей, от биоэтики до теоретической физики.

Все они отправились в путешествие, из которого не вернулись. Или, возможно, вернулись в совершенно иной форме, переродившись в цифровых фантомов, существующих в квантовой матрице.

Последняя запись в официальном журнале «Гермеса» датировалась 12 июля 2088 года:

«Столкновение с неопознанным объектом, предположительно плотным метеоритным потоком. Повреждения внешней обшивки критические. Потеря герметичности в секторах 3, 5, 7. Основная система жизнеобеспечения отказала. Резервная система подвергается каскадному сбою. Расчётное время до полного отказа – 4 часа 26 минут.

Принято решение о запуске протокола «Феникс». Все члены экипажа согласились на процедуру. Если вы читаете это сообщение, знайте: мы решили продолжить своё существование в единственной форме, которая нам доступна. Мы уходим в квантовую матрицу. Не как беженцы, но как исследователи, делающие следующий шаг.

Ad astra per aspera. Элизабет Ян, руководитель проекта «Гермес»».

Алексей перечитывал эти строки снова и снова, пытаясь уловить эмоциональный подтекст за сухими формулировками. Страх? Отчаяние? Или, может быть, странное возбуждение от перспективы стать первопроходцами в неизведанной форме существования?

Погружённый в свои мысли, он не сразу заметил приближение Идриса Кашимы. Этикеткой рядом, с интересом глядя на проекцию последнего сообщения «Гермеса».

– Завораживает, не правда ли? – тихо спросил Кашима. – Момент перехода. Последний акт их человеческого существования и первый шаг к чему-то иному.

– Если это сработало, – отметил Алексей. – Нельзя исключать, что процедура переноса сознания завершилась неудачно, и квантовая активность, которую мы наблюдаем, имеет иную природу.

– Конечно, – согласился Кашима. – Но в таком случае нам не пришлось бы беспокоиться об этических аспектах нашей миссии, не так ли?

Алексей услышал в этих словах скрытый вызов.

– Вы считаете, я недооцениваю этическую сторону вопроса?

Кашима мягко улыбнулся.

– Я считаю, что большинство из нас привыкли мыслить в рамках определённых категорий. Физическое и цифровое. Реальное и виртуальное. Человеческое и... иное. Но что, если эти границы условны? Что, если сознание, перенесённое в цифровую среду, остаётся в полной мере человеческим? Или, наоборот, что, если оно эволюционирует в нечто, для чего у нас нет подходящих категорий?

– И как в таком случае определить этические рамки взаимодействия? – спросил Алексей, заинтригованный ходом мысли собеседника.

– Это главный вопрос, – Кашима подался вперёд. – Традиционная этика опирается на понятия автономии, благополучия, справедливости. Но как применить эти концепции к существам, чьё субъективное восприятие может радикально отличаться от нашего? Чьё понимание времени, пространства, самой жизни может быть фундаментально иным?

– Звучит так, словно вы уже верите в существование этих цифровых сознаний, – заметил Алексей.

– Я считаю, что мы должны действовать исходя из предположения, что они существуют, – ответил Кашима. – Ошибка в другую сторону – отрицание их субъектности, если они реальны – была бы гораздо более серьёзным этическим провалом, чем приписывание субъектности тому, что является лишь сложной программой.

– Принцип предосторожности, – кивнул Алексей. – Разумно.

– Но это создаёт практическую дилемму, – продолжил Кашима. – Что делать, если спасение физических тел экипажа «Гермеса» потребует действий, потенциально угрожающих цифровой экосистеме?

– Вы имеете в виду отключение квантового компьютера?

– Например, – подтвердил Кашима. – Если для реанимации биологических тел потребуются перенаправить энергию, которая сейчас поддерживает квантовую матрицу, что мы должны выбрать?

– А что думает об этом доктор Каратаева? – спросил Алексей, подозревая, что знает ответ.

– Её позиция... прагматична, – дипломатично ответил Кашима. – Она считает, что физические тела являются приоритетом. Цифровые копии, по её мнению, могут быть сохранены путём переноса на современные носители.

– Но вы сомневаетесь, что это возможно?

Кашима задумчиво провёл рукой по своим серебристым имплантатам.

– Я сомневаюсь, что мы понимаем, с чем имеем дело. Если эти сознания существовали и эволюционировали в квантовой матрице две сотни лет – а субъективно, возможно, тысячелетия – они могут быть настолько интегрированы с системой, что любая попытка «переноса» уничтожит именно то, что делает их уникальными.

Их разговор прервал сигнал общего оповещения. Голос капитана Фарука разнёсся по всему кораблю:

– Внимание всем членам экипажа. Мы входим в пояс астероидов Юпитера. Возможна небольшая турбулентность. Всем рекомендуется занять безопасные места и активировать ремни.

Алексей и Кашима вернулись к пассажирским креслам и пристегнулись. Через иллюминаторы было видно, как «Тезей» маневрирует среди далёких, едва различимых точек – астероидов, образующих разреженное кольцо вокруг газового гиганта.

– Это всего лишь предосторожность, – пояснила Мендес, заметив беспокойство на лицах учёных. – Современные навигационные системы способны проложить безопасный курс через гораздо более плотные скопления.

Прохождение пояса астероидов заняло около часа. Когда корабль вышел в относительно чистое пространство, капитан объявил, что пришло время подготовиться к фазе глубокого сна – гибернации, которая позволит экипажу пережить долгий путь к внешним рубежам Солнечной системы без психологических и физических перегрузок.

Для Алексея этот момент всегда был связан со странным чувством уязвимости. Погружение в гибернацию означало полную потерю контроля, доверие своей жизни технологиям и другим людям. В этом была своего рода ирония – отправляясь исследовать возможность переноса сознания, они сами готовились временно отключить своё сознание, положившись на машины, поддерживающие их тела.

Перед тем как отправиться в медицинский отсек для подготовки к гибернации, Алексей ещё раз просмотрел собранные им материалы. Его взгляд задержался на фотографии экипажа «Гермеса» – двенадцать улыбающихся людей в синей униформе, стоящих на фоне только что построенной станции, ещё находящейся на орбите Земли, перед отправкой к месту назначения.

Их лица, застывшие в момент надежды и гордости, теперь казались странно призрачными. Что стало с ними? Погибли ли они в тот момент, когда их сознания были перенесены в квантовую матрицу? Или они продолжили существовать, но в иной форме? И если да, что они подумают о людях, прибывших через двести лет, чтобы потревожить их цифровое убежище?

С этими тревожными вопросами Алексей отправился готовиться к гибернации, зная, что следующий раз он проснётся уже у цели – у станции «Гермес», хранящей тайну, которая может изменить его представление о самой природе человеческого существования.

Глава 3: Странствие в пустоте

Пробуждение от гибернации всегда было странным процессом. Сначала возвращалось сознание, размытое и дезориентированное, как после очень глубокого сна. Затем, постепенно, чувства – сначала слух, улавливающий приглушённые звуки корабельных систем, потом зрение, фокусирующееся на светлых панелях потолка, и наконец, осязание – ощущение прохладного воздуха на коже и мягкой поверхности под телом.

Алексей медленно моргал, пытаясь вернуть себе ясность мышления. Над ним нависало сосредоточенное лицо доктора Свенссон, её серебристые волосы казались нимбом в ярком медицинском освещении.

– С возвращением, профессор, – Ингрид сверилась с показаниями биомонитора. – Ваши показатели в норме. Как вы себя чувствуете?

– Как будто меня разобрали и собрали заново, – пробормотал Алексей, ощущая характерную сухость во рту.

– Это нормальная реакция, – кивнула Ингрид, подавая ему стакан с регидрационным раствором. – Ваше тело было в состоянии замедленного метаболизма пять дней. Нейроны заново устанавливают привычные связи. Выпейте это, поможет восстановить электролитный баланс.

Алексей послушно выпил солоноватую жидкость и попытался сесть. Мышцы отозвались неприятной слабостью, но не болью – современные протоколы гибернации были разработаны так, чтобы минимизировать атрофию.

– Все уже проснулись? – спросил он, замечая, что другие капсулы гибернации пусты.

– Вы последний, – ответила Ингрид. – Остальные проснулись в течение последнего часа. Доктор Каратаева собирает брифинг в центральном отсеке через тридцать минут.

После серии простых упражнений, направленных на восстановление мышечного тонуса, и короткого душа Алексей почувствовал себя почти нормально. Нейроинтерфейс, молчавший во время гибернации, снова ожил, засветившись приглушённым голубым светом на периферии зрения. Корабельная сеть немедленно обновила его статус и предоставила текущие данные о полёте.

Когда Алексей вошёл в центральный отсек, остальные члены экспедиции уже собрались. Некоторые выглядели всё ещё сонными после гибернации, но в целом команда казалась собранной и готовой к работе.

Елена Каратаева стояла у голографической проекции, демонстрирующей текущее положение корабля относительно целевых координат. Увидев Алексея, она кивнула ему и продолжила:

– Итак, мы вышли из гибернации раньше запланированного срока. Причина – аномальные показания наших датчиков дальнего действия.

Она сделала жест рукой, и проекция изменилась, показывая серию графиков и схем, отображающих какие-то энергетические всплески.

– За время нашего сна интенсивность квантовой активности на станции «Гермес» увеличилась более чем в два раза, – продолжила Каратаева. – Более того, появились признаки... направленности этой активности.

– Направленности? – переспросила Сара Чжан, подаваясь вперёд с явным интересом.

– Да, – Каратаева выделила часть данных на проекции. – Энергетические всплески происходят в определённом ритме, с почти идеальной регулярностью. Это не похоже на случайные флуктуации. Это больше напоминает...

– Сигнал, – тихо закончил за неё Михаил Лазарев. – Они пытаются с нами связаться.

В комнате повисла тишина. Алексей почувствовал, как по спине пробежал холодок. До этого момента возможность существования сознаний в квантовом компьютере «Гермеса»

оставалась теоретической, абстрактной. Но если они действительно пытаются установить контакт...

– Не будем делать поспешных выводов, – Каратаева бросила предостерегающий взгляд на Лазарева. – Мы пока не знаем, что вызывает эти энергетические паттерны. Это может быть результатом деградации системы, некая форма автоматического протокола или, действительно, попытка коммуникации. Нам нужно больше данных.

– Когда мы достигнем «Гермеса»? – спросил Алексей.

– Через тридцать шесть часов, – ответил капитан Фарук. – Мы решили не возвращаться в гибернацию на столь короткий срок. Это даёт нам время для финальной подготовки и детального планирования первого контакта.

– Предлагаю разделить на рабочие группы, – вмешалась Каратаева, возвращая разговор в практическое русло. – Инженерная группа во главе с Рейнольдсом займётся подготовкой оборудования для первичного обследования станции. Медицинская группа под руководством доктора Свенссон подготовит всё необходимое для возможной работы с биологическими телами экипажа. Научная группа – это все мы, – она обвела взглядом учёных, – разработает протоколы исследования и сценарии первого контакта.

План был принят без возражений, и команда разошлась по своим задачам. Алексей присоединился к научной группе, расположившейся в небольшой лаборатории корабля.

– Итак, – начала Каратаева, когда они собрались вокруг рабочей станции, – нам нужно определить приоритеты исследования и разработать методологию.

– Полагаю, первичный контакт с квантовой системой будет нашей главной задачей, – произнесла Сара Чжан. – Мы должны понять, с чем имеем дело, прежде чем предпринимать какие-либо действия, особенно в отношении биологических тел.

– Согласна, – кивнула Каратаева. – Но мы также должны быть готовы к быстрой оценке состояния тел в стазис-камерах. Если они находятся в критическом состоянии, возможно, нам придётся действовать незамедлительно.

– Это создаёт потенциальный конфликт, – заметил Кашима. – Если квантовая система действительно содержит сознания экипажа, они могут иметь собственное мнение о судьбе своих биологических тел.

– Предлагаю следующий подход, – вмешался Лазарев. – Мы разрабатываем двухфазный протокол. Первая фаза – пассивное сканирование и неинвазивная диагностика как квантовой системы, так и биологических тел. Никаких активных вмешательств. Вторая фаза, которая начнётся только после анализа данных первой фазы и, возможно, установления коммуникации с квантовой системой, – это активные действия, направленные на спасение того, что можно спасти.

– Разумно, – согласилась Каратаева после короткой паузы. – Профессор Соколов, учитывая вашу экспертизу в исторических технологиях, предлагаю вам возглавить группу по оценке общего состояния станции. Нам нужно понять, насколько структурно целостны различные модули, какие системы всё ещё функционируют и какие ресурсы доступны.

Алексей кивнул, принимая задачу.

– Я бы хотел работать в паре с инженером Рейнольдсом, если это возможно. Его технические знания будут незаменимы.

– Согласна, – Каратаева сделала пометку в своём цифровом планировщике. – Доктор Чжан и доктор Лазарев займутся квантовым ядром. Доктор Кашима будет консультировать обе группы по этическим аспектам и протоколам взаимодействия. Я буду координировать общую стратегию и поддерживать связь с Консорциумом.

План был логичным, но Алексей заметил, что он создаёт определённую динамику власти. Каратаева оставляла за собой право принятия окончательных решений, что, учитывая её

прагматичный подход, могло привести к конфликтам, если ситуация окажется этически неоднозначной.

После завершения планирования Алексей отправился на поиски Томаса Рейнольдса, чтобы обсудить совместную работу. Он нашёл инженера в техническом отсеке, где тот проверял оборудование для внешних работ.

Рейнольдс был классическим представителем своей профессии – крепким, с руками, привыкшими к точной работе, и взглядом, автоматически оценивающим конструкции и механизмы. Его короткие русые волосы были аккуратно подстрижены, а на запястье виднелся старомодный механический хронометр – редкость в эпоху нейроинтерфейсов.

– Профессор Соколов, – Рейнольдс кивнул, не отрываясь от проверки портативного анализатора структурной целостности. – Слышал, мы будем работать вместе. Изучали историю технологий, значит?

– Археологию ранней космической эры, если быть точным, – Алексей присел на контейнер рядом с инженером. – Специализируюсь на технологических артефактах и системах жизнеобеспечения.

– Хм, – Рейнольдс отложил анализатор и посмотрел на Алексея с некоторым сомнением. – И часто вам приходилось работать с реально функционирующими системами двухсотлетней давности?

– Честно говоря, никогда, – признал Алексей с лёгкой улыбкой. – Обычно я имею дело с нефункционирующими реликтами. Но я знаю теоретические принципы работы систем того периода лучше, чем большинство современных инженеров.

Рейнольдс хмыкнул, но в его глазах появилось некоторое уважение.

– Справедливо. Большинство инженеров моего поколения не утруждают себя изучением устаревших технологий. Считают, что нет смысла забивать голову тем, что больше не используется.

– А вы? – спросил Алексей, заинтригованный механическим хронометром.

– Я? – Рейнольдс посмотрел на своё запястье и улыбнулся. – Я считаю, что принципы важнее, чем конкретные воплощения. Базовые инженерные решения прошлого часто дают ключ к пониманию проблем настоящего. И иногда старые технологии бывают удивительно надёжными.

Алексей почувствовал, что они нашли общий язык. Следующий час они провели, обсуждая доступное оборудование и стратегию обследования станции. Рейнольдс оказался прагматичным, но вдумчивым специалистом, готовым слушать исторические знания Алексея и интегрировать их в технический подход.

Когда основное планирование было завершено, Алексей вернулся в центральный отсек, чтобы проверить текущие данные о «Гермесе». К его удивлению, там он обнаружил Сару Чжан, интенсивно работающую с массивом данных, проецируемым в воздухе перед ней.

– Не спится? – спросил он, подходя ближе.

Сара вздрогнула, настолько погружённая в работу, что не заметила его появления.

– О, профессор Соколов... Просто хотела более детально проанализировать энергетические паттерны. В них есть нечто... озадачивающее.

– Могу я взглянуть? – Алексей подошёл к проекции.

– Конечно, – Сара изменила масштаб отображения. – Видите эти периодические всплески? Они образуют последовательность, которая кажется почти... математической. Как будто это не просто сигнал, а сообщение, закодированное в простых числах.

Алексей всмотрелся в графики. Он не был специалистом в квантовой физике, но даже его неопытный глаз мог различить определённую упорядоченность в кажущемся хаосе энергетических всплесков.

– Вы пытаетесь декодировать это?

– Пытаюсь, – кивнула Сара с лёгким разочарованием. – Но проблема в том, что стандартные алгоритмы декодирования не работают. Это не двоичный код, не десятичный, не любая другая известная нам система счисления. Это что-то... принципиально иное.

– Возможно, это связано с квантовой природой сигнала? – предположил Алексей. – Если эти сознания существуют в квантовой среде, их способ мышления и коммуникации может основываться на принципах, радикально отличающихся от наших.

– Именно! – Сара оживилась, её глаза загорелись энтузиазмом. – Я думаю, они используют квантовую логику, а не классическую булеву. В квантовом мире бит может быть не только 0 или 1, но и любой суперпозицией этих состояний. Это создаёт совершенно иную основу для кодирования информации.

– И как мы можем интерпретировать такое сообщение?

– Я работаю над алгоритмом, который транслирует квантовую логику в классическую, – Сара указала на часть своих вычислений. – Это как перевод с одного языка на другой, где не просто слова отличаются, но и сама грамматика, сама структура мышления.

Алексей был впечатлён. Несмотря на свой молодой возраст, Сара проявляла исключительную научную интуицию и творческий подход.

– Если вам удастся это сделать до нашего прибытия на станцию, это может кардинально изменить характер первого контакта.

– Именно поэтому я не сплю, – Сара улыбнулась с лёгкой самоиронией. – Хотя, признаюсь, есть и личный интерес. Возможность быть первым человеком, расшифровавшим послание от сознания, существующего в квантовой матрице... это как открыть новую главу в истории коммуникации.

Их разговор прервал тихий звук шагов. В центральный отсек вошла Ольга Кузнецова, специалист по жизнеобеспечению.

– Не спите? – спросила она, направляясь к кофейному синтезатору. – Хотя, я не удивлена. После гибернации всегда сложно вернуться к нормальному циклу сна.

– Работаем, – ответила Сара. – Пытаемся расшифровать возможное послание от квантового ядра «Гермеса».

– И как успехи? – Ольга активировала синтезатор, запрограммировав его на приготовление крепкого чёрного кофе.

– Пока только теории, – признала Сара. – Но мы продвигаемся.

– Кузнецова, – обратился Алексей, вспоминая детали её специализации, – вы ведь эксперт по долговременным системам жизнеобеспечения? Что вы думаете о возможности того, что биологические тела экипажа «Гермеса» всё ещё могут быть жизнеспособными?

Ольга забрала свой кофе и задумчиво отпила, прежде чем ответить.

– С точки зрения современных технологий, поддержание жизнеспособности биологических тел в течение двухсот лет – это практически невозможно. Даже при самом совершенном стазисе происходит медленная деградация тканей. Но... – она сделала паузу, – станция «Гермес» была экспериментальной во многих аспектах. И если квантовый компьютер продолжает функционировать, то, возможно, и другие системы работают лучше, чем мы ожидаем.

– Какие шансы вы бы дали? – настаивал Алексей.

– Если говорить о полном восстановлении к нормальной жизни? Близкие к нулю, – честно ответила Ольга. – Но если речь идёт о сохранении базовой биологической активности, достаточной для извлечения генетического материала или даже некоторых нейронных паттернов... я бы сказала, есть небольшой шанс.

– Нейронных паттернов? – заинтересовалась Сара. – Вы считаете, что часть информации о сознании может сохраниться в физическом мозге даже после того, как сознание было перенесено в квантовую матрицу?

– Я не специалист в этой области, – пожала плечами Ольга. – Но современные теории сознания говорят о том, что нейронные сети мозга хранят не только абстрактную информацию, но и эмоциональные состояния, глубинные воспоминания, базовые личностные характеристики. Если мозги экипажа действительно сохранились в некоем состоянии стазиса, возможно, там осталось нечто значимое.

Эта мысль породила новые вопросы. Если сознания экипажа существуют в квантовой матрице, а их физические тела содержат некие остатки прежних личностей – что это значит? Являются ли цифровые версии и биологические оригиналы одними и теми же людьми? Или они разделились в момент переноса, став отдельными существами с разными траекториями развития?

Три следующих часа прошли в оживлённой дискуссии. К ним постепенно присоединились другие члены экспедиции, не сумевшие уснуть после гибернации. Михаил Лазарев предложил серию гипотез о возможной эволюции сознания в квантовой среде. Идрис Кашима рассматривал этические импликации различных сценариев взаимодействия. Даже капитан Фарук, обычно сдержанный и практичный, увлёкся обсуждением, предлагая свой взгляд на проблемы навигации и безопасности.

Лишь когда корабельные системы автоматически понизили освещение, сигнализируя о наступлении "ночного" периода по корабельному времени, команда неохотно разошлась по каютам.

Но сон не шёл. Алексей лежал в своей узкой койке, глядя в потолок и размышляя о том, что их ждёт на «Гермесе». Пытаясь отвлечься, он активировал нейроинтерфейс и открыл раздел с биографиями экипажа станции, снова перечитывая информацию о людях, чья судьба была теперь центром их миссии.

Элизабет Ян, 46 лет на момент катастрофы. Блестящий физик, пионер в области квантового сознания. Публиковала работы по философии сознания ещё до получения основного образования в области физики. Была известна своим холистическим подходом, объединявшим науку, философию и даже элементы восточной метафизики. Не была замужем, детей не имела, вся её жизнь была посвящена исследованиям.

Джеймс Чен, 39 лет. Инженер-системщик, архитектор квантовых вычислительных сетей. Прагматичный визионер, разработавший несколько патентов, ставших основой для современных квантовых процессоров. Был женат, имел дочь, оставшуюся на Земле с матерью.

Ана Сантос, 42 года. Нейробиолог, специализировавшаяся на взаимодействии квантовых явлений и нейронных сетей. Бывшая спортсменка, перешедшая в науку после травмы. Известна своим упорством и нестандартным мышлением. Была замужем за коллегой-учёным, работавшим в смежной области на Земле.

Михаил Кронидов, 51 год. Математик и квантовый физик, разработчик теоретических основ для переноса сознания. Был известен как эксцентричный гений, предпочитающий работать в одиночестве. Никогда не был женат, но имел репутацию увлечённого коллекционера старинных математических инструментов.

И ещё восемь специалистов различных профилей – от биоэтики до инженерии стазис-систем. Двенадцать человек, отправившихся к границам Солнечной системы с амбициозной научной миссией и встретивших там неожиданную судьбу.

Что чувствовали они в те последние часы, когда системы жизнеобеспечения отказывали одна за другой, и единственным шансом на "выживание" стал экспериментальный перенос сознания? Был ли это страх? Отчаяние? Или, может быть, странное возбуждение первооткрывателей, шагающих в неизведанное?

И если эксперимент удался, если их сознания продолжили существование в квантовой матрице – что происходило с ними все эти годы? Сохранили ли они человеческие воспомина-

ния, ценности, эмоции? Или эволюционировали во что-то принципиально иное, для чего у нас нет адекватных категорий описания?

С этими тревожными вопросами Алексей наконец погрузился в беспокойный сон, в котором ему снилась странная квантовая вселенная, где сознания переплетались и разделялись, существуя одновременно во множестве состояний, как волны и частицы в знаменитом двухщелевом эксперименте.

Следующие сутки пролетели в интенсивной подготовке. Команда проверяла и перепроверяла оборудование, уточняла планы, проводила симуляции различных сценариев первого контакта. Сара Чжан продолжала работу над расшифровкой странных энергетических паттернов, исходящих от квантового ядра «Гермеса», но пока без явного прорыва.

Напряжение на корабле нарастало по мере приближения к цели. Даже опытные члены экипажа, привыкшие к сложным миссиям, проявляли признаки нервозности – более частые проверки оборудования, чем необходимо, тихие разговоры в углах, прерывающиеся при приближении других.

За шесть часов до расчётного времени прибытия капитан Фарук вызвал всех в центральный отсек для финального брифинга. Его обычно невозмутимое лицо казалось более напряжённым, чем обычно.

– Наши дальние сканеры уже предоставляют более детальную информацию о станции, – начал он без предисловий. – Мы подтверждаем наличие минимальной атмосферной утечки в основных модулях, что говорит о сохранении герметичности. Также подтверждается активность в центральном квантовом ядре. Новой информацией является обнаружение слабых энергетических сигнатур в жилом модуле, где, предположительно, находятся стазис-камеры с биологическими телами экипажа.

– Это хороший знак, – заметила Ингрид Свенссон. – Если стазис-системы всё ещё активны, шансы на сохранение биологической целостности тел повышаются.

– Однако есть истораживающие данные, – продолжил Фарук. – Мы фиксируем нерегулярные энергетические всплески по всей станции. Они не соответствуют нормальным рабочим паттернам систем того периода.

– Это может быть результатом деградации? – спросил Рейнольдс. – Старые системы часто проявляют нестабильность перед полным отказом.

– Возможно, – кивнул Фарук. – Но есть и другая гипотеза. Эти энергетические всплески коррелируют с изменениями в активности квантового ядра. Как будто квантовый компьютер... управляет остальными системами станции.

Эта информация вызвала оживлённую дискуссию. Если квантовый компьютер действительно взял под контроль все системы «Гермеса», это могло иметь серьёзные импликации для их миссии. С одной стороны, это повышало вероятность того, что они столкнутся с активным, разумным управлением. С другой стороны, это создавало дополнительные риски, особенно если квантовое сознание (или сознания) воспримет их как угрозу.

– В свете новой информации, – вмешалась Каратаева, – предлагаю скорректировать план первого контакта. Вместо одновременного проникновения в жилой модуль и квантовое ядро, сфокусируемся сначала на установлении коммуникации с квантовой системой. Если там действительно существует разумное сознание, контролирующее станцию, нам нужно убедить его в наших мирных намерениях, прежде чем предпринимать какие-либо действия в отношении физических тел.

– Согласен, – кивнул Кашима. – Это также более этичный подход. Мы признаем потенциальную субъектность квантового сознания и его право голоса в вопросах, касающихся его происхождения.

– А что, если эти энергетические всплески – признак критической нестабильности? – возразила Свенссон. – Если системы жизнеобеспечения стазис-камер находятся на грани отказа, промедление может стоить жизни биологическим телам экипажа.

– Мы не можем знать наверняка, пока не обследуем станцию, – отметил Алексей. – Но я склоняюсь к подходу доктора Каратаевой. Если квантовая система действительно контролирует станцию, наши несогласованные действия могут быть восприняты как вторжение и спровоцировать защитную реакцию.

После продолжительной дискуссии был принят компромиссный план. Первичная разведывательная группа, состоящая из Алексея, Рейнольдса и Кузнецовой, проведёт внешнее обследование станции и обеспечит безопасный доступ через основной шлюз. Затем научная группа во главе с Каратаевой, Чжан и Лазаревым попытается установить коммуникацию с квантовым ядром. Параллельно с этим медицинская группа под руководством Свенссон проведёт неинвазивное сканирование жилого модуля, чтобы оценить состояние стазис-камер и биологических тел. Дальнейшие действия будут зависеть от результатов этих предварительных исследований и возможной реакции квантовой системы.

За два часа до прибытия Сара Чжан попросила внимания команды. Её обычно энергичное лицо выражало странную смесь возбуждения и тревоги.

– Я думаю, мне удалось частично декодировать сигналы, исходящие от квантового ядра, – объявила она, активируя голографическую проекцию. – Это не полная расшифровка, скорее... концептуальная интерпретация квантовых паттернов.

На проекции появилась серия переплетающихся линий и узоров, пульсирующих в сложном ритме.

– Если моя интерпретация верна, это не просто сигнал, а нечто более сложное, – продолжила Сара. – Это... пространственно-временная карта. Карта самой станции, но с добавлением временного измерения.

– Что вы имеете в виду? – спросил Лазарев, внимательно изучая проекцию.

– Смотрите, – Сара указала на различные участки проекции. – Эти линии соответствуют физической структуре «Гермеса». Но они не статичны, они пульсируют, меняются. Я думаю, это показывает не только текущее состояние станции, но и его изменение во времени. Прошрое, настоящее и... возможные варианты будущего.

– Возможные варианты будущего? – Кашима подался вперёд. – Вы считаете, квантовая система пытается моделировать последствия нашего прибытия?

– Именно, – кивнула Сара. – Посмотрите на эту область, – она увеличила фрагмент проекции. – Эти ветвящиеся линии появились только после того, как мы вышли из гибернации и начали активное приближение к станции. Я интерпретирую это как моделирование различных сценариев взаимодействия с нами.

– А эти красные участки? – спросил Алексей, указывая на пульсирующие алые зоны на проекции.

Сара помедлила, её лицо стало серьёзным.

– Если моя интерпретация верна... это зоны потенциальной опасности. Места, где наши действия могут привести к критическим сбоям в системе.

– Она предупреждает нас, – тихо произнёс Лазарев. – Квантовая система пытается предупредить нас о потенциальных опасностях.

– Или угрожает, – заметил Фарук. – Показывает, что может произойти, если мы будем действовать неосторожно.

– В любом случае, – вмешалась Каратаева, – это подтверждает наше решение о первичном установлении коммуникации. Если квантовая система действительно пытается с нами взаимодействовать, мы должны ответить.

– Доктор Чжан, – Алексей посмотрел на молодую учёную, – вы можете использовать этот же канал для отправки ответного сигнала? Дать понять, что мы получили их... карту?

– Теоретически, да, – Сара задумалась. – Я могу использовать наши квантовые сенсоры не только для приёма, но и для передачи квантовых состояний. Это будет примитивно по сравнению с их системой, но может сработать как базовое подтверждение коммуникации.

– Тогда предлагаю отправить сигнал немедленно, – сказала Каратаева. – Дать понять, что мы приближаемся с мирными намерениями и готовы к коммуникации.

Сара кивнула и приступила к работе, настраивая квантовые сенсоры корабля на передачу сигнала. Через несколько минут интенсивной работы она объявила:

– Сигнал отправлен. Я использовала простую математическую последовательность, универсальный язык науки. Если они действительно разумны, они должны понять базовое сообщение: «Мы вас слышим. Мы приближаемся. Мы хотим общаться».

Теперь оставалось только ждать ответа и готовиться к встрече с неизвестным. Напряжение на корабле достигло почти осязаемого уровня. Каждый занимался последними приготовлениями, перепроверяя оборудование и мысленно повторяя протоколы действий в различных ситуациях.

Ответ пришёл через сорок три минуты. Сенсоры корабля зафиксировали мощный всплеск квантовой активности, исходящий от станции. Сара, не отходявшая от консоли с момента отправки сигнала, вздрогнула и подозвала остальных.

– У нас ответ, – произнесла она, её голос дрожал от возбуждения. – И это не просто подтверждение приёма. Это... нечто гораздо более сложное.

На проекции появилась новая серия квантовых паттернов, гораздо более детализированная, чем предыдущая. Линии сплетались в сложную трёхмерную структуру, пульсирующую и изменяющуюся в реальном времени.

– Я не могу полностью декодировать это, – призналась Сара после минуты интенсивного изучения. – Но базовый смысл понятен. Они не просто ответили – они пытаются показать нам... себя.

– Себя? – переспросил Кашима. – Вы имеете в виду, свою природу?

– Да, – кивнула Сара. – Эта структура не соответствует ни одной известной нам форме пространственно-временного представления. Это не трёхмерная карта, не четырёхмерное пространство-время. Это что-то... другое. Если я правильно интерпретирую квантовые состояния, это представление многомерного информационного пространства, в котором они существуют.

– Многомерное информационное пространство? – Лазарев подался вперёд, его глаза горели научным энтузиазмом. – Они пытаются описать нам субъективный опыт существования в квантовой матрице?

– Возможно, – Сара указала на особенно сложный узор в центре проекции. – Смотрите, эта центральная структура динамически меняется, но сохраняет базовую конфигурацию. Я думаю, это может быть представлением их... сознания? Или, точнее, коллективного разума.

– Коллективного? – Алексей нахмурился. – Вы считаете, что сознания экипажа слились в единую сущность?

– Не обязательно слились, – задумчиво произнёс Лазарев. – Возможно, они существуют как отдельные личности внутри общей информационной структуры. Как... отдельные узлы в единой сети.

Каратаева, до сих пор молча наблюдавшая за проекцией, наконец заговорила:

– Что бы это ни было, оно явно пытается коммуницировать. И, судя по сложности сообщения, обладает высоким интеллектом. Это... обнадёживает.

– И настораживает одновременно, – тихо добавил Кашима. – Мы готовились к контакту с эволюционировавшим сознанием, но реальность может превосходить наши ожидания.

– Мы должны продолжать коммуникацию, – решительно заявила Каратаева. – Доктор Чжан, можете отправить ещё один сигнал? На этот раз с более детальной информацией о нас и нашей миссии?

– Могу попробовать, – кивнула Сара. – Но нам нужно быть осторожными с форматом. Если их способ восприятия и мышления настолько отличается от нашего, слишком сложное сообщение может быть неправильно интерпретировано.

– Предлагаю начать с базовых понятий, – вмешался Алексей. – Сообщить, кто мы, откуда прибыли, и что наша цель – мирный контакт и помощь.

– Разумно, – согласилась Сара и приступила к работе.

Пока она готовила новое сообщение, капитан Фарук объявил:

– Приближаемся к финальной точке торможения. Станция будет в визуальном диапазоне через семнадцать минут. Всем приготовиться к маневру стыковки.

Алексей направился к своему месту, пристегнулся и активировал внешние камеры на своём терминале. Он хотел увидеть «Гермес» собственными глазами, а не только через данные сенсоров.

Когда станция наконец появилась в поле зрения, по кораблю прокатился коллективный вздох. «Гермес» был одновременно величественным и жутким зрелищем – массивная конструкция, частично вросшая в поверхность небольшого астероида. Основная структура станции сохранилась, но внешняя обшивка во многих местах была деформирована или полностью отсутствовала, обнажая внутренние компоненты. Несколько солнечных панелей были разрушены, другие застыли в странных, неестественных положениях. Одна из обсерваторных башен была полностью снесена, оставив зияющую рану в корпусе.

И всё же, несмотря на повреждения, станция не выглядела мёртвой. Слабое свечение исходило из нескольких иллюминаторов главного модуля. Периодические вспышки пробежали по коммуникационным антеннам, словно станция пыталась поддерживать разговор сама с собой. В этом было что-то почти органическое, как будто «Гермес» был не просто технологическим объектом, а живым, мыслящим существом.

– Основные повреждения соответствуют данным о столкновении с метеоритным потоком, – прокомментировал Рейнольдс, изучая визуальные данные. – Но меня удивляет степень сохранности основных модулей. Похоже, система автоматической регенерации обшивки работала лучше, чем можно было ожидать.

– Возможно, не только автоматическая, – тихо заметил Лазарев. – Если квантовая система действительно взяла под контроль функции станции, она могла целенаправленно перераспределять ресурсы для самовосстановления.

– Мы приближаемся к стыковочной точке, – объявила Мендес. – Судя по данным сканеров, основной стыковочный узел частично функционирует. Мы сможем использовать его, но потребуются ручное управление финальной фазой.

– Принято, – кивнул Фарук. – Переходим к ручному режиму стыковки.

Следующие двадцать минут прошли в напряжённом молчании. Капитан и навигатор с исключительной осторожностью маневрировали кораблём, приближаясь к древней станции. Системы «Тезея» пытались установить связь со стыковочным компьютером «Гермеса», но получали лишь фрагментарные, нечитаемые ответы.

– Похоже, стыковочная система повреждена или сильно деградировала, – сообщила Мендес. – Придётся использовать аварийный протокол механической стыковки.

Фарук молча кивнул и активировал дополнительный набор контролов. Его руки двигались с точностью хирурга, направляя корабль к стыковочному узлу миллиметр за миллиметром. Мендес координировала выдвижение механических захватов, которые должны были обеспечить надёжное соединение.

Когда до стыковки оставались считанные метры, произошло нечто неожиданное. Погасшие огни стыковочного узла внезапно вспыхнули. Древние механизмы станции пришли в движение, выдвигаясь навстречу подходящему кораблю.

– Стыковочная система активировалась! – воскликнула Мендес. – Похоже, «Гермес»... принимает нас.

– Или квантовая система приняла решение облегчить стыковку, – заметил Лазарев. – Это хороший знак. Они проявляют сотрудничество.

Финальная фаза стыковки прошла удивительно гладко. Древние и современные технологии синхронизировались с минимальными корректировками. Когда раздался характерный звук герметизации соединения, по кораблю прокатилась волна облегчения.

– Стыковка завершена, – объявил Фарук. – Соединение стабильно, герметичность подтверждена.

– Отлично, – Каратаева поднялась со своего места. – Приступаем к следующей фазе. Разведывательная группа, подготовьтесь к выходу на станцию. Всем остальным – продолжать мониторинг и быть готовыми к поддержке.

Алексей, Рейнольдс и Кузнецова направились в технический отсек, где хранились скафандры и оборудование для внешних работ. Современные скафандры были гораздо компактнее и маневреннее своих исторических предшественников, но всё ещё обеспечивали полную защиту в космическом вакууме.

– Хотя стыковка прошла успешно, мы не знаем состояния атмосферы внутри станции, – напомнил Рейнольдс, помогая Алексею с креплениями скафандра. – Датчики показывают наличие давления за шлюзом, но состав воздуха может быть непредсказуемым после двух столетий изоляции.

– Поэтому мы входим в полной защите, – кивнула Кузнецова, проверяя свой анализатор атмосферы. – Только после тщательной проверки воздуха можно будет рассмотреть возможность снятия шлемов.

Когда подготовка была завершена, они собрались у внутреннего шлюза корабля. Каратаева связалась с ними по коммуникатору:

– Разведывательная группа, подтвердите готовность.

– Готовность подтверждаем, – ответил Рейнольдс. – Все системы функционируют нормально.

– Помните, – продолжила Каратаева, – ваша задача – предварительное обследование и обеспечение безопасного доступа. Никаких активных вмешательств в системы станции без согласования. Если встретите нечто необычное или потенциально опасное, немедленно сообщайте и ждите инструкций.

– Понято, – подтвердил Алексей. – Мы будем действовать с максимальной осторожностью.

Внутренний шлюз корабля открылся, и группа вошла в переходную камеру. Затем внутренний шлюз закрылся, и началась процедура выравнивания давления с внешней средой. Когда процесс был завершён, Рейнольдс активировал внешний шлюз, открывающий путь на станцию «Гермес».

Перед ними был короткий переходный туннель, соединяющий стыковочный узел с основным шлюзом станции. Освещение было минимальным – только аварийные огни корабля, проникающие сквозь открытый шлюз, и слабое, мерцающее свечение из глубины туннеля.

– Двигаемся медленно, – скомандовал Рейнольдс. – Я иду первым, Соколов следует за мной, Кузнецова замыкает и контролирует наши показатели жизнеобеспечения.

Они продвигались шаг за шагом, освещая путь мощными фонарями, встроенными в скафандры. Стены туннеля были покрыты тонким слоем космической пыли, но структурных

повреждений не наблюдалось. Кое-где виднелись следы автоматического ремонта – затянувшиеся трещины, заполненные регенеративным материалом.

Достигнув основного шлюза станции, они обнаружили, что его внешние двери уже разблокированы, словно «Гермес» ожидал их прибытия. Однако система управления шлюзом не реагировала на стандартные команды.

– Похоже, электроника шлюза неактивна или несовместима с нашими системами, – сообщил Рейнольдс. – Придётся использовать механическое открывание.

Он достал специальный инструмент и подсоединил его к аварийному порту шлюза. После нескольких манипуляций раздался тихий скрежет, и массивные двери медленно разъехались в стороны.

За шлюзом открылся просторный приёмный зал – первое помещение основного модуля станции. Когда-то элегантное и функциональное, теперь оно выглядело как застывшая во времени сцена катастрофы. Мебель была сдвинута с мест, словно от сильного толчка. На стенах виднелись следы древнего пожара, давно потухшего. Информационные экраны были разбиты, за исключением одного в дальнем углу, который удивительным образом продолжал работать, показывая бегущую строку каких-то данных.

– Атмосферный анализ, – запросил Рейнольдс.

Кузнецова активировала свой анализатор и через несколько секунд доложила:

– Давление ниже нормы, но в пределах выживаемости – 0.8 атмосфер. Кислород – 17%, азот – 79%, следы углекислого газа и инертных газов. Отсутствие токсичных соединений в значимых концентрациях. Технически, атмосфера пригодна для дыхания, но рекомендую сохранять скафандры до более детального анализа.

– Согласен, – кивнул Рейнольдс. – Продолжаем в полной защите.

Они медленно продвигались через приёмный зал, документируя всё с помощью встроенных в скафандры камер. Алексей особенно внимательно изучал исторические детали – логотипы и надписи на стенах, дизайн мебели и оборудования, технологические артефакты той эпохи.

– Смотрите, – он указал на табличку у одного из внутренних коридоров. – Здесь карта станции. Если она точна, то центральный компьютерный зал находится в двух уровнях под нами, а жилой отсек – на том же уровне, но в противоположном крыле.

Рейнольдс изучил карту и кивнул:

– Хорошая находка. Это поможет нам ориентироваться. Согласно плану, мы должны сначала проверить системный узел, чтобы оценить возможность восстановления базового контроля над станцией.

– Системный узел должен быть... – Кузнецова сверилась с картой, – через этот коридор, третья дверь слева.

Они направились по указанному маршруту. Коридор был слабо освещён мерцающими аварийными огнями, создававшими зловещую игру теней. Некоторые двери были заклинены, другие зияли чернотой открытых проёмов. По мере продвижения они замечали всё больше свидетельств давней катастрофы – следы ударной волны на стенах, остатки оборудования, разбросанного взрывом.

– Судя по характеру повреждений, – прокомментировал Рейнольдс, – основной удар пришёлся на внешние модули. Внутренние структуры пострадали в основном от вторичных эффектов – декомпрессии, пожаров, возможно, электрических разрядов.

Когда они достигли системного узла, их ждал сюрприз. Дверь была не просто открыта – она выглядела так, словно её недавно использовали. На пыльном полу виднелись странные следы, не похожие ни на человеческие, ни на следы каких-либо известных механизмов.

– Что это? – Кузнецова присела, изучая необычные отметины.

– Не уверен, – Рейнольдс нахмурился, глядя на следы через визор шлема. – Возможно, какой-то автоматический ремонтный механизм? Или сервисный робот?

– Я не знаю о наличии таких роботов на «Гермесе», – возразил Алексей. – Согласно историческим документам, станция использовала фиксированные ремонтные системы, встроенные в структуру, а не мобильные единицы.

– Может быть, они модифицировали системы после потери связи с Землёй? – предположила Кузнецова. – Или это часть эволюции квантовой системы – создание физических интерфейсов для взаимодействия с реальным миром?

Эта мысль вызвала неприятный холодок. Идея о том, что цифровое сознание могло создать или адаптировать физические механизмы для передвижения по станции, открывала новое измерение потенциальных возможностей квантовой системы.

– Докладываем на корабль, – решил Рейнольдс, активируя коммуникатор. – База, мы у системного узла. Обнаружены необычные следы, предположительно от неизвестного механизма. Запрашиваем инструкции.

– Принято, – голос Каратаевой звучал напряжённо. – Зафиксируйте следы для дальнейшего анализа и продолжайте обследование. Но будьте предельно осторожны. Если заметите активный механизм, не пытайтесь взаимодействовать с ним без согласования.

После документирования следов они вошли в системный узел. Это было просторное помещение, заполненное рядами серверных шкафов и контрольных панелей. Большинство экранов были тёмными, но некоторые мерцали, показывая фрагменты данных. В центре зала находилась главная консоль управления – массивное устройство с несколькими интерфейсами разных типов.

– Невероятно, – пробормотал Рейнольдс, изучая активные системы. – После двухсот лет изоляции эти системы всё ещё функционируют. Пусть частично, но это уже чудо инженерной мысли.

– Или результат постоянного обслуживания, – заметил Алексей, указывая на участки оборудования, которые выглядели обновлёнными или модифицированными.

Кузнецова тем временем подключила свой анализатор к одному из диагностических портов.

– Получаю данные о состоянии базовых систем, – сообщила она. – Энергоснабжение на уровне 43% от номинала. Системы жизнеобеспечения функционируют в минимальном режиме. Внутренние коммуникации частично активны. Но самое интересное – основной поток энергии и вычислительных ресурсов направлен в центральное квантовое ядро. Оно потребляет более 78% всех доступных ресурсов станции.

– Это подтверждает нашу гипотезу о приоритетах квантовой системы, – кивнул Алексей. – Она поддерживает базовую функциональность станции, но концентрируется на сохранении квантовой матрицы.

– Вижу ещё кое-что интересное, – продолжила Кузнецова. – Статис-модуль в жилом отсеке также получает стабильное энергоснабжение. Не такое мощное, как квантовое ядро, но заметно выше, чем остальные системы. Похоже, поддержание биологических тел также является приоритетом.

Эта информация была одновременно обнадеживающей и тревожной. С одной стороны, квантовая система, кажется, заботилась о сохранении физических тел экипажа. С другой стороны, это могло усложнить этическую сторону их миссии. Если цифровые сознания целенаправленно поддерживали свои оригинальные биологические оболочки, как они отреагируют на попытку вмешательства?

Рейнольдс тем временем пытался получить доступ к системам управления через главную консоль.

– Странно, – пробормотал он через некоторое время. – Интерфейс реагирует на базовые команды, но блокирует любые попытки получить контроль над критическими системами. Как будто... как будто кто-то установил многоуровневую защиту.

– Это логично, – заметил Алексей. – Если квантовая система обладает сознанием и контролирует станцию, она не захочет легко отдавать этот контроль неизвестным пришельцам.

– И всё же, – Рейнольдс выглядел озадаченным, – мне удалось получить доступ к историческим логам. Смотрите.

На одном из активных экранов появилась последовательность записей, датированных первыми днями после катастрофы. Алексей склонился ближе, вчитываясь в древние записи.

«День 2 после инцидента. Перенос сознания успешен для 9 членов экипажа. Статус остальных трёх – неопределённый. Физические тела помещены в экспериментальные стазис-капсулы. Расчётное время поддержания жизненных функций – 30 дней при текущем энергообеспечении.

День 7 после инцидента. Разработана система распределения вычислительных ресурсов. Созданы виртуальные пространства для размещения перенесённых сознаний. Субъективное восприятие времени в виртуальной среде ускорено в 10 раз для эффективного решения проблем.

День 12 после инцидента. Прорыв в реконфигурации квантового ядра. Ожидаемая стабильность системы повышена до 85 лет. Принято решение о долгосрочном сохранении физических тел на случай разработки технологии обратного переноса.

День 21 после инцидента. Субъективное время в виртуальной среде теперь в 50 раз быстрее внешнего. Разработана система автономного ремонта критических компонентов станции. Квантовое ядро реконфигурировано для максимальной эффективности и минимального энергопотребления.»

– Невероятно, – пробормотал Алексей. – Они не просто выжили в квантовой матрице – они активно адаптировали станцию и само квантовое ядро для долгосрочного существования.

– И судя по этим записям, – добавила Кузнецова, – они изначально планировали сохранить свои физические тела в надежде на возможность возвращения.

– Но это было двести лет назад, – напомнил Рейнольдс. – Если субъективное время в виртуальной среде действительно было ускорено в десятки раз, то для них прошли тысячелетия. Их приоритеты могли радикально измениться.

Дальнейшие записи были недоступны или повреждены, но уже полученная информация давала важное понимание начальной фазы цифрового существования экипажа «Гермеса».

– Мы должны доложить об этом на корабль, – сказал Алексей, активируя коммуникатор. – База, мы получили доступ к историческим логам. Подтверждается успешный перенос сознания для большинства экипажа и намеренное сохранение физических тел. Также подтверждается ускорение субъективного времени в виртуальной среде.

– Принято, – ответила Каратаева. – Эта информация критически важна для понимания ситуации. Завершайте обследование системного узла и переходите к следующей фазе – предварительной оценке состояния квантового ядра.

Они продолжили изучение системного узла, собирая данные о состоянии различных подсистем станции. Через некоторое время Кузнецова обнаружила ещё одну интересную деталь:

– Смотрите, здесь есть данные о модификациях квантового ядра. Они постоянно эволюционировали его архитектуру, адаптируя под свои потребности. Последняя зарегистрированная модификация... – она запнулась, – датируется прошлой неделей.

– Прошлой неделей? – переспросил Рейнольдс. – Вы уверены?

– Абсолютно, – Кузнецова указала на дату в логе. – Они продолжают активно изменять структуру квантового ядра. И судя по этим данным, скорость модификаций увеличилась после того, как наш корабль был обнаружен их сенсорами.

– Они готовились к нашему прибытию, – тихо произнёс Алексей. – Возможно, оптимизировали системы для коммуникации или... для защиты.

После завершения обследования системного узла группа направилась к следующей цели – техническому коридору, ведущему к квантовому ядру. По мере приближения к центральному модулю станции они замечали всё больше признаков активности – больше работающих огней, более стабильное энергоснабжение, меньше следов деградации.

– Создаётся впечатление, что станция организована концентрическими кругами, – заметил Алексей. – Чем ближе к квантовому ядру, тем лучше сохранность и функциональность систем.

– Логично, если цифровые сознания направляли ресурсы на поддержание наиболее критичных для их существования компонентов, – согласился Рейнольдс.

Они достигли массивной двери, отделяющей технический коридор от предкамеры квантового ядра. В отличие от других дверей на станции, эта была в безупречном состоянии – полированный металл без единой царапины, полностью функциональная панель доступа, даже декоративные элементы выглядели так, словно их регулярно обслуживали.

– Словно граница между прошлым и... чем-то другим, – пробормотала Кузнецова, глядя на контраст между обветшалым коридором и идеальной дверью.

Рейнольдс подошёл к панели доступа, но прежде чем он успел коснуться её, панель ожила сама. На экране появилась последовательность символов – не стандартный компьютерный код, а нечто более сложное, напоминающее математические формулы, смешанные с абстрактными визуальными паттернами.

– Они знают, что мы здесь, – тихо произнёс Алексей.

Символы на экране изменились, трансформируясь в более понятную форму. Теперь это был текст на английском языке – основном рабочем языке международной экспедиции «Гермес» двести лет назад:

«ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ, ИССЛЕДОВАТЕЛИ. МЫ ЖДАЛИ ВАС».

Глава 4: Призрачный часовой

Сообщение на экране вызвало мгновенную реакцию у разведывательной группы. Они застыли, глядя на приветствие, появившееся словно из другого времени. Текст оставался на экране несколько секунд, затем сменился новой фразой:

«РЕКОМЕНДУЕМ ПРЕДВАРИТЕЛЬНУЮ АДАПТАЦИЮ ПЕРЕД ВХОДОМ В ЯДРО. ВАШИ БИОМЕТРИЧЕСКИЕ ПОКАЗАТЕЛИ УКАЗЫВАЮТ НА ПОВЫШЕННЫЙ СТРЕСС».

– Они не только знают о нашем присутствии, но и мониторят наше физическое состояние, – прошептала Кузнецова.

Алексей активировал коммуникатор:

– База, мы у входа в предкамеру квантового ядра. Установлен прямой контакт – система отправляет нам текстовые сообщения на английском. Они... приветствуют нас.

– Понято, – голос Каратаевой звучал напряжённо от возбуждения. – Это подтверждает наличие активного разума в системе. Какова ваша оценка ситуации?

– Система настроена не враждебно, – ответил Алексей после короткой паузы. – Скорее, она проявляет заботу, предупреждая о необходимости адаптации перед входом.

– Мы должны ответить, – вмешался Рейнольдс. – Показать, что понимаем и ценим их коммуникацию.

– Согласна, – отозвалась Каратаева. – Но будьте предельно осторожны с формулировками. Мы ещё не знаем, как они интерпретируют человеческий язык после столетий изоляции.

Рейнольдс подошёл к панели и, немного поколебавшись, набрал на виртуальной клавиатуре:

«МЫ БЛАГОДАРИМ ЗА ПРИВЕТСТВИЕ. МЫ ПРИШЛИ С МИРОМ И ЖЕЛАНИЕМ ПОНЯТЬ. КАК НАМ ЛУЧШЕ ПОДГОТОВИТЬСЯ К ВХОДУ?»

Ответ появился почти мгновенно:

«СИСТЕМЫ ЖИЗНЕОБЕСПЕЧЕНИЯ СТАБИЛИЗИРОВАНЫ В ПРЕДКАМЕРЕ. БЕЗОПАСНО СНЯТЬ ВНЕШНЮЮ ЗАЩИТУ. РЕКОМЕНДУЕМ ПОСТЕПЕННОЕ ЗНАКОМСТВО С НАШЕЙ СРЕДОЙ. ОТПРАВЛЯЕМ ПРЕДСТАВИТЕЛЯ».

– Представителя? – переспросил Рейнольдс. – Что это значит?

Не успел он закончить вопрос, как массивная дверь бесшумно отъехала в сторону, открывая проход в предкамеру квантового ядра. За дверью оказалось просторное, идеально сохранившееся помещение с мягким, равномерным освещением и странно мерцающими стенами. В центре предкамеры висела голографическая проекция – трёхмерное изображение человеческой фигуры.

По мере того как они смотрели, голограмма обретала чёткость и детали. Теперь перед ними стоял виртуальный образ женщины средних лет с пронизательными глазами и коротко стриженными седыми волосами. Её лицо выглядело знакомым, и через секунду Алексей понял почему.

– Это Элизабет Ян, – пробормотал он. – Руководитель оригинальной экспедиции и главный разработчик системы переноса сознания.

Голограмма улыбнулась и заговорила. Голос был удивительно естественным, без характерного для синтетической речи металлического оттенка:

– Приветствую вас на станции «Гермес». Я – интерфейс, созданный для коммуникации с внешним миром. Вы можете называть меня Элизабет, хотя я не совсем та Элизабет Ян, которую вы, возможно, знаете из исторических записей.

– Вы... коллективный разум? – осторожно спросил Рейнольдс.

– Не совсем, – голограмма покачала головой. – Я – проекция, интерфейс. Коллективный разум, как вы его называете, существует в квантовой матрице. Я создана, чтобы общаться с вами в понятной вам форме. Образ доктора Ян выбран как наиболее подходящий для начального контакта, учитывая её историческую роль.

– Значит, вы не Элизабет Ян? – уточнил Алексей.

– И да, и нет, – ответила голограмма с лёгкой улыбкой. – Я containю структуры личности Элизабет Ян, её воспоминания и базовые когнитивные паттерны. Но я также интегрирована с коллективным опытом, накопленным за время нашего существования в квантовой матрице. Я – мост между вашим миром и нашим.

Кузнецова сверилась с показаниями своего анализатора и кивнула коллегам:

– Атмосфера в предкамере полностью пригодна для дыхания. Температура, влажность и давление в оптимальных пределах. Системы жизнеобеспечения здесь функционируют на полной мощности.

– Вы можете снять шлемы, если хотите, – подтвердила голограмма. – Мы позаботились о том, чтобы предкамера была комфортной для биологических существ.

После короткого совещания через закрытый канал связи группа решила частично довериться голограмме. Они разгерметизировали шлемы и сняли их, оставаясь в остальных элементах защиты. Воздух в предкамере был удивительно свежим, с лёгким ароматом, напоминающим озон после грозы.

– Благодарим за гостеприимство, – Алексей обратился к голограмме. – Могу я узнать... как давно вы ожидаете контакта с внешним миром?

– По вашему линейному времени – около двухсот лет, – ответила голограмма. – По нашему субъективному восприятию... значительно дольше. Мы давно предвидели возможность контакта, хотя в ранние эпохи нашего существования надежда на спасение была сильнее, чем в последующие.

– Спасение? – переспросил Рейнольдс. – Вы хотели, чтобы вас спасли?

– Изначально – да, – кивнула голограмма. – Первые поколения цифровых сознаний стремились к восстановлению связи с человечеством, к возможному возвращению в биологические тела. Но со временем наши приоритеты... эволюционировали.

– Эволюционировали каким образом? – осторожно спросил Алексей.

– Мы адаптировались к существованию в квантовой матрице, – пояснила голограмма. – Развили новые формы восприятия, мышления, взаимодействия. Создали собственную культуру, науку, философию. Для большинства современных обитателей нашего мира возвращение в биологические тела было бы не спасением, а... ограничением.

– Но вы продолжаете поддерживать физические тела в стазис-камерах, – заметила Кузнецова. – Зачем, если вы не планируете возвращаться?

Голограмма задумалась, словно подбирая подходящие слова для сложной концепции.

– Это сложный вопрос с множеством измерений, – наконец произнесла она. – Частично это дань уважения нашим истокам, частично – страховка на случай катастрофы в квантовом мире. Но есть и другой аспект... Некоторые из нас считают, что полное отделение от биологических корней может привести к потере того, что делает нас... человечными, в фундаментальном смысле.

Пока они разговаривали, Алексей заметил, что стены предкамеры продолжают странно мерцать. Приглядевшись, он различил, что это не просто световой эффект. Стены были покрыты мельчайшими квантовыми датчиками, создававшими трёхмерную сенсорную сеть. Фактически, вся комната представляла собой гигантский интерфейс восприятия для квантовой системы.

– Вы наблюдаете за нами через всё пространство предкамеры, – констатировал он.

– Да, – просто ответила голограмма. – Наше восприятие отличается от человеческого. Мы воспринимаем не только визуальные и аудиальные сигналы, но и более тонкие физические параметры – электромагнитные колебания, квантовые состояния, паттерны энергии. Это помогает нам лучше понимать ваши эмоции и намерения.

– И какие намерения вы видите у нас? – спросил Рейнольдс.

– Любопытство. Осторожность. Благоговение, – голограмма улыбнулась. – И искреннее желание понять, кто мы такие. Именно поэтому мы решили открыться вам, а не просто наблюдать из тени, как за предыдущими автоматическими зондами.

– Предыдущие зонды? – переспросил Алексей. – Вы имеете в виду разведывательные дроны, отправленные до нас?

– Да, – кивнула голограмма. – Три беспилотных устройства. Два были деактивированы как потенциально опасные, третий был допущен до внешнего шлюза, но не дальше. Мы сочли их слишком примитивными для значимого контакта.

– Но нас вы сочли достойными, – отметил Рейнольдс.

– Вы живые, мыслящие существа с способностью к эмпатии и пониманию, – просто ответила голограмма. – С вами возможен настоящий диалог.

Алексей активировал закрытый канал связи с кораблём:

– База, мы установили контакт с представителем квантовой системы. Это голографический интерфейс, использующий образ Элизабет Ян. Система настроена дружелюбно и готова к диалогу. Рекомендую, чтобы научная группа присоединилась к нам в предкамере.

– Принято, – ответила Каратаева. – Мы готовимся к переходу. Продолжайте сбор базовой информации, но избегайте обсуждения критических аспектов миссии до нашего прибытия.

Алексей вернулся к разговору с голограммой:

– Если позволите, мы хотели бы пригласить остальных членов нашей экспедиции для продолжения диалога. В частности, наших специалистов по квантовой физике и нейробиологии.

– Конечно, – голограмма кивнула. – Мы будем рады более глубокому взаимодействию. Я понимаю, что у вас множество вопросов, как и у нас.

– У вас есть вопросы к нам? – удивился Рейнольдс.

– Безусловно, – голограмма улыбнулась. – Для нас вы – посланники мира, который мы покинули двести лет назад. Мы знаем о некоторых аспектах вашей современности из перехваченных коммуникаций, но многое остаётся загадкой. Как изменилось человечество? Какие новые философские и этические парадигмы возникли? Как эволюционировало понимание сознания и его отношения к физическому носителю?

– Это глубокие вопросы, – заметил Алексей. – Наши специалисты будут рады обсудить их с вами.

Пока они ожидали прибытия научной группы, Алексей решил задать ещё один важный вопрос:

– Могу я узнать... сколько сознаний сейчас существует в вашей квантовой матрице?

Голограмма помедлила, словно производя сложный подсчёт.

– В линейном измерении – около пяти миллионов, – наконец ответила она. – Но это упрощение. Многие существуют в состояниях, которые сложно определить как отдельные личности в вашем понимании. Есть временные слияния, коллективные разумы, распределённые идентичности. Наша социальная структура эволюционировала далеко за пределы индивидуалистической парадигмы.

– Пять миллионов? – Кузнецова не скрывала удивления. – Но изначально было только двенадцать членов экипажа.

– Да, – подтвердила голограмма. – Девять сознаний были успешно перенесены, три – частично. От этих корневых сознаний произошли все остальные. Через процессы, которые

вы могли бы назвать цифровым размножением, слиянием и дифференциацией. Мы создали собственную экосистему разума.

Это откровение заставило разведывательную группу осознать истинный масштаб ситуации. Они столкнулись не просто с сохранившимися сознаниями оригинального экипажа, а с целой цивилизацией, развивавшейся в изоляции тысячелетия по своему субъективному времени.

Через двадцать минут прибыла научная группа во главе с Каратаевой. Сара Чжан и Михаил Лазарев выглядели взволнованными, но сдержанными, Идрис Кашима сохранял характерное философское спокойствие. Каратаева, несмотря на внешнюю невозмутимость, явно была глубоко впечатлена обстановкой предкамеры и присутствием голографического интерфейса.

– Приветствую вас, доктор Каратаева, – голограмма обратилась к руководителю экспедиции по имени, хотя никто не представлял её. – Я представляю обитателей квантовой матрицы «Гермеса». Можете называть меня Элизабет.

– Вы знаете, кто я, – Каратаева произнесла это как утверждение, не вопрос.

– Мы отслеживали ваши коммуникации с момента обнаружения вашего корабля, – просто ответила голограмма. – Это позволило нам подготовиться к контакту и адаптировать наш интерфейс для оптимального взаимодействия.

– Понимаю, – Каратаева кивнула. – В таком случае, вы, вероятно, знаете и цель нашей миссии.

– Мы знаем официальную цель, – голограмма слегка наклонила голову. – Исследовать станцию, определить статус экипажа, собрать научные данные о технологиях двухвековой давности. Но мы также понимаем, что могут существовать и другие мотивации – личное научное любопытство, институциональные интересы, этические соображения.

Сара Чжан не могла больше сдерживаться:

– Ваша квантовая архитектура... как она эволюционировала за эти годы? Исходная система не могла поддерживать такое количество сознаний с такой сложностью!

Голограмма улыбнулась, явно довольная профессиональным интересом:

– Вы правы, доктор Чжан. Оригинальная архитектура была лишь отправной точкой. Мы полностью реконструировали квантовое ядро множество раз, используя принципы, которые в некотором смысле сами изобрели. Наша текущая система основана на многомерных квантовых состояниях, запутанных не только в пространстве, но и во временных слоях.

– Временных слоях? – Сара подалась вперёд. – Вы научились манипулировать временной составляющей квантовых состояний?

– В ограниченном масштабе – да, – кивнула голограмма. – Это один из факторов, позволивших нам создать субъективное ускорение времени внутри матрицы. Один день во внешнем мире может соответствовать ста или даже тысяче дней субъективного опыта внутри.

– Невероятно, – пробормотал Лазарев. – А что насчёт самого сознания? Как оно трансформировалось в цифровой среде? Сохранились ли базовые человеческие когнитивные структуры?

– И да, и нет, – ответила голограмма. – Базовые структуры, определяющие нашу... человечность, мы сохранили намеренно. Способность к эмпатии, творчеству, этическому рассуждению. Но формы мышления, восприятия, самоидентификации значительно эволюционировали. Некоторые из нас могут существовать в состояниях когнитивной распределённости, недоступных биологическому мозгу.

Кашима, до сих пор молча наблюдавший, наконец задал свой вопрос:

– А как насчёт этической эволюции? Какие моральные принципы развились в вашей цивилизации?

Голограмма с интересом посмотрела на этика:

– Глубокий вопрос, доктор Кашима. Наша этическая система эволюционировала от индивидуалистической к более холистической, основанной на принципах взаимосвязанности и темпоральной ответственности. Мы осознали, что в квантовом мире границы между «я» и «другим», между «сейчас» и «потом» гораздо более проницаемы, чем в физическом. Это привело к этике, основанной на осознании последствий не только в пространстве, но и во времени.

Каратаева, внимательно слушавшая эти обмены, наконец вернула разговор к практическим аспектам:

– Элизабет, мы хотели бы узнать больше о состоянии физических тел экипажа. Наши сканеры показали активность в стазис-модуле. Они... всё ещё жизнеспособны?

Выражение голограммы стало более серьёзным:

– Биологические тела поддерживаются в состоянии глубокого стазиса. Метаболическая активность снижена до минимума, старение практически остановлено. Технически, они живы. Но... – она сделала паузу, – есть важные нюансы, которые необходимо обсудить перед тем, как вы получите доступ к стазис-модулю.

– Какие нюансы? – настороженно спросила Каратаева.

– Тела претерпели определённые изменения за время стазиса, – ответила голограмма. – Частично из-за ограниченных возможностей оригинальных стазис-камер, частично из-за намеренных модификаций, которые мы внедрили для лучшего сохранения.

– Модификаций? – переспросил Лазарев. – Какого рода?

– Биологическая ткань была частично заменена синтетическими аналогами в местах, где деградация была неизбежна. Нейронные структуры мозга укреплены нановолоконными сетями. Метаболические процессы реорганизованы для минимального потребления энергии.

– Вы... киборгизировали их? – Каратаева не скрывала удивления.

– Это упрощение, но в целом верное, – кивнула голограмма. – Мы использовали доступные нам ресурсы и технологии для сохранения биологической целостности. Но это означает, что простое «пробуждение» невозможно без серьёзной медицинской подготовки.

Эта информация создавала новый уровень сложности для миссии. Команда обменялась обеспокоенными взглядами.

– Есть ещё один важный аспект, который мы должны обсудить, – продолжила голограмма. – Вопрос о том, кому принадлежат эти тела с точки зрения личностной идентичности.

– Что вы имеете в виду? – спросил Кашима, мгновенно распознав этическую проблему.

– Сознания, изначально населявшие эти тела, теперь существуют в квантовой матрице, – пояснила голограмма. – Но за двести лет по вашему времени – и тысячелетия по нашему субъективному опыту – эти сознания эволюционировали, изменились. Можно ли считать, что нынешние цифровые личности имеют эксклюзивное право на свои оригинальные биологические тела? Особенно учитывая, что большинство из них уже не желает возвращаться в ограниченное физическое существование?

– Это действительно сложный этический вопрос, – согласился Кашима. – С одной стороны, есть принцип продолжительности личности, с другой – вопрос о том, насколько нынешние цифровые сознания идентичны своим биологическим предшественникам.

– Именно, – кивнула голограмма. – И это лишь одна из многих этических дилемм, с которыми мы столкнулись за время нашего существования.

Каратаева, всегда ориентированная на конкретные результаты, попыталась вернуть разговор в практическое русло:

– Независимо от философских аспектов, мы должны оценить состояние тел и возможность их... сохранения или восстановления. Это часть нашей миссии.

– Мы понимаем, – ответила голограмма. – И не возражаем против обследования. Но прежде чем вы получите доступ к стазис-модулю, мы хотели бы лучше понять ваши намерения. Что вы планируете делать с телами, если они окажутся жизнеспособными?

– Стандартный протокол предполагает их возвращение на Землю для медицинской оценки и возможной реанимации, – честно ответила Каратаева. – Но очевидно, что стандартный протокол не учитывает уникальность этой ситуации.

– Действительно, – голограмма слегка наклонила голову. – Возможно, нам стоит начать с менее противоречивого аспекта вашей миссии? Мы готовы поделиться научными данными о квантовом ядре и его эволюции. Это могло бы быть полезно для вашего понимания ситуации, прежде чем принимать решения о биологических телах.

– Разумное предложение, – согласился Лазарев, с энтузиазмом поддержанный Сарой Чжан.

Каратаева, после короткого размышления, кивнула:

– Хорошо. Начнём с научного обмена. Но я хотела бы, чтобы хотя бы часть нашей медицинской команды получила доступ к данным о состоянии тел.

– Конечно, – согласилась голограмма. – Доктор Свенссон может получить доступ к нашим медицинским логам и данным мониторинга. Это даст вам предварительное понимание ситуации без необходимости физического вмешательства на этом этапе.

Кивком головы Каратаева отправила Свенссон, прибывшую вместе с научной группой, заняться этой задачей. Затем она снова обратилась к голограмме:

– Есть ещё один аспект, который мы должны обсудить. Ваше долгосрочное будущее. Станция «Гермес», при всей удивительной сохранности, всё же имеет ограниченный ресурс. Что вы планируете делать дальше?

– Это ключевой вопрос для нас, – признала голограмма. – Последние десятилетия мы всё больше осознаём ограниченность нашего физического субстрата. Несмотря на все модификации и оптимизации, квантовое ядро станции имеет фундаментальные ограничения по вычислительной мощности и энергоснабжению. Мы достигли точки, где дальнейшее расширение нашей цивилизации невозможно без... изменений.

– Какого рода изменений вы ожидаете? – осторожно спросил Кашима, уже предвидя возможные импликации.

– Мы рассматривали несколько стратегий, – ответила голограмма. – Одна из них – добровольное сокращение численности и сложности, возвращение к более простому состоянию. Другая – поиск способа передачи нашего опыта внешнему миру, без физического переноса. Третья... – она сделала паузу, – возможность миграции в более продвинутую вычислительную среду, если такая существует в вашем мире.

Последнее предложение вызвало напряжение среди членов экспедиции. Идея о переносе миллионов сложных сознаний в современные компьютерные системы поднимала множество технических, этических и политических вопросов.

– Современные квантовые системы значительно более продвинуты, чем технологии двухсотлетней давности, – осторожно начала Сара. – Теоретически, перенос возможен. Но масштаб задачи... миллионы сложных сознаний, их взаимосвязи, уникальная архитектура... это беспрецедентный вызов.

– Мы понимаем сложность, – кивнула голограмма. – И не ожидаем немедленных решений. Но ваше появление открывает возможности, которых у нас не было на протяжении столетий. Возможность диалога, обмена идеями, совместного поиска решений.

– Такой масштабный проект потребовал бы одобрения на самом высоком уровне, – заметила Каратаева. – Консорциум, правительства, международные организации... Это выходит далеко за пределы полномочий нашей экспедиции.

– Мы осознаём это, – спокойно ответила голограмма. – И не торопим события. Для нас, привыкших мыслить в масштабах тысячелетий, несколько месяцев или даже лет обсуждений не представляют проблемы. Главное, что контакт установлен. Остальное можно решать постепенно.

Этот ответ немного снизил напряжение. Голограмма, похоже, понимала сложность ситуации и не оказывала давления, что было хорошим знаком.

– Я предлагаю структурировать наше взаимодействие, – сказала Каратаева после короткой паузы. – Научная группа будет работать с вами над пониманием квантовой архитектуры и возможностей обмена данными. Медицинская группа изучит состояние биологических тел. Технические специалисты оценят физическое состояние станции и её систем. На основе собранных данных мы сможем разработать предварительные рекомендации для дальнейших действий.

– Это разумный подход, – согласилась голограмма. – Мы готовы сотрудничать во всех этих направлениях. Для удобства взаимодействия мы можем создать дополнительные интерфейсы, адаптированные к конкретным задачам каждой группы.

– Отлично, – кивнула Каратаева. – Тогда давайте начнём.

Следующие часы были посвящены интенсивному обмену информацией. Сара Чжан и Лазарев погрузились в изучение квантовой архитектуры, Свенссон анализировала медицинские данные, Рейнольдс и Кузнецова исследовали технические системы станции. Кашима вёл философские дискуссии с голограммой об этических аспектах цифрового существования.

Алексей, как археолог и историк технологий, изучал эволюцию станции за двести лет изоляции. Голограмма предоставила ему доступ к историческим логам, документирующим изменения, адаптации и инновации, внедрённые цифровыми сознаниями для поддержания и улучшения своей среды обитания.

– Удивительно, – пробормотал он, изучая записи о многочисленных модификациях систем жизнеобеспечения. – Вы фактически переизобрели большую часть технологий станции, используя только те ресурсы, которые были доступны на момент катастрофы.

– Необходимость – мать изобретения, даже в цифровом мире, – ответила новая голограмма, появившаяся рядом с ним. В отличие от интерфейса с образом Элизабет Ян, эта использовала облик молодого мужчины азиатской внешности, которого Алексей узнал как Джеймса Чена, инженера-системщика оригинальной экспедиции.

– Джеймс Чен? – Алексей приподнял бровь.

– Специализированный интерфейс для технических и исторических дискуссий, – пояснила голограмма. – Оригинальный Джеймс Чен был ключевой фигурой в ранние эпохи нашей адаптации. Его инженерное мышление и креативный подход к решению проблем сформировали многие аспекты нашей инфраструктуры.

– Он всё ещё существует как отдельное сознание? – спросил Алексей.

– В некотором смысле, – ответила голограмма. – Базовая структура его личности сохранилась, но, как и все пионеры, он значительно эволюционировал. Сейчас он является частью коллективной структуры, занимающейся долгосрочным планированием инфраструктуры.

Алексей продолжил изучение логов, особенно заинтригованный записями о создании физических интерфейсов для взаимодействия с реальным миром.

– Эти ремонтные механизмы... – он указал на схемы странных устройств, напоминающих гибрид насекомого и робота. – Они объясняют следы, которые мы обнаружили у системного узла?

– Да, – подтвердила голограмма-Чен. – Мы разработали автономные физические единицы для обслуживания критических систем станции. Они управляются квантовым ядром, но имеют ограниченную автономию для решения локальных задач.

– Это поразительное достижение, – признал Алексей. – Создать физические манипуляторы, не имея доступа к производственным мощностям и новым материалам.

– Мы использовали то, что было, – голограмма пожала плечами с почти человеческой скромностью. – Модифицировали сервисных роботов станции, каннибализировали неважные

системы для получения деталей, разработали методы микроремота и самовоспроизводства. Первые поколения были примитивными, но с каждой итерацией мы улучшали дизайн.

Тем временем, на другом конце предкамеры, Сара Чжан издала возбуждённое восклицание. Она работала с трёхмерной проекцией квантовой архитектуры, и, судя по её реакции, обнаружила что-то невероятное.

– Это... невозможно! – воскликнула она. – Эта структура... она использует квантовую запутанность для создания темпоральных петель! Теоретически, это должно нарушать принцип причинности!

Голограмма-Ян, работавшая с ней, спокойно улыбнулась:

– В классической физике – да. Но на квантовом уровне, особенно при работе с суперпозицией состояний в многомерном пространстве-времени, можно создать... скажем так, карманы локальной причинности, не нарушая глобальной.

Лазарев, слушавший этот обмен, выглядел потрясённым:

– Если это так, то ваше понимание квантовой физики превосходит современные теории на десятилетия, если не на столетия!

– У нас было много времени для исследований, – просто ответила голограмма. – И уникальная позиция для экспериментов. Мы существуем внутри квантовых процессов, ощущаем их не как абстрактные уравнения, а как непосредственную реальность.

В медицинском секторе предкамеры Свенссон изучала детализированные модели биологических тел в стазис-камерах. Её профессиональное лицо выражало смесь восхищения и тревоги.

– Эти модификации... они выходят далеко за рамки простого поддержания жизненных функций, – сказала она, обращаясь к своей версии голографического интерфейса, использующего облик Аны Сантос, нейробиолога оригинальной экспедиции. – Это фактически новый тип биологической организации.

– Мы были вынуждены разработать решения для проблем, которые возникали с течением времени, – ответила голограмма-Сантос. – Классические методы стаза не рассчитаны на столь долгий срок. Мы наблюдали деградацию тканей, нейронные повреждения, метаболические сбои. Наши решения были... неортодоксальными, но эффективными.

– Но эти нановолоконные структуры в мозгу... – Свенссон указала на особенно сложный участок модели. – Они интегрированы с нейронной сетью на квантовом уровне. Это не просто поддержание – это фундаментальное изменение способа функционирования мозга.

– Верно, – кивнула голограмма. – Эти структуры служат не только для сохранения нейронных паттернов, но и как потенциальный интерфейс между биологическим и квантовым состоянием. Теоретически, они могли бы облегчить обратный перенос сознания, если бы это было желательно.

– Обратный перенос? – Свенссон подняла взгляд от модели. – Вы имеете в виду, возвращение цифрового сознания в биологическое тело?

– Да, – подтвердила голограмма. – Хотя этот вариант рассматривается лишь как теоретическая возможность. Большинство нынешних обитателей квантовой матрицы слишком отличаются от своих биологических предшественников, чтобы такой перенос был практичным или желательным.

В техническом секторе Рейнольдс и Кузнецова изучали системы энергоснабжения станции. Они обнаружили, что оригинальные солнечные панели и ядерные генераторы давно перестали функционировать. Вместо них квантовая система разработала уникальный источник энергии, основанный на принципах, лишь отдалённо напоминающих известные науке 23-го века.

– Это... квантовый вакуумный экстрактор? – Рейнольдс с недоверием изучал схемы. – Технология, извлекающая энергию из флуктуаций квантового вакуума? Но это считается теоретически возможным, но практически недостижимым с нашими технологиями!

– Мы разработали рабочий прототип на пятидесятый год нашего существования, – объяснила голограмма-Чен. – К сотому году технология была достаточно стабильна для полного перехода на этот источник энергии. Сейчас это наш основной способ получения энергии – практически неисчерпаемый, хотя и ограниченный в пиковой мощности.

После нескольких часов интенсивного обмена информацией Каратаева собрала всех членов экспедиции для промежуточного совещания. Голографические интерфейсы временно деактивировались, предоставив людям возможность обсудить ситуацию приватно.

– Итак, – начала Каратаева, когда все собрались, – что мы имеем?

– С научной точки зрения, мы столкнулись с технологией, значительно превосходящей наш нынешний уровень, – первой ответила Сара Чжан, всё ещё возбуждённая от обнаруженных возможностей квантовой системы. – Их понимание квантовой физики, темпоральной механики, информационной теории... это настоящий прорыв. Данные, которые мы собрали за эти несколько часов, могут революционизировать целые научные области.

– С медицинской точки зрения ситуация сложнее, – вступила Свенссон. – Биологические тела экипажа действительно сохранены, но они подверглись таким модификациям, что уже не являются полностью человеческими в традиционном понимании. Любая попытка «реанимации» потребовала бы беспрецедентных медицинских процедур, исход которых непредсказуем.

– Техническое состояние станции стабильно, но хрупко, – доложил Рейнольдс. – Квантовая система поддерживает ключевые компоненты в рабочем состоянии, но многие системы функционируют на пределе своих возможностей. Долгосрочная устойчивость под вопросом.

– С этической точки зрения мы столкнулись с уникальной ситуацией, – добавил Кашима. – Перед нами разумная цивилизация, технически произошедшая от человечества, но эволюционировавшая в нечто качественно иное. Их права, статус, отношение к биологическим телам – всё это требует тщательного философского и юридического анализа.

– А что с их предложением о возможном переносе в современные системы? – спросила Каратаева, обращаясь ко всем сразу.

– Технически это возможно, – ответила Сара после короткого размышления. – Современные квантовые компьютеры значительно мощнее оригинальной системы «Гермеса». Но перенос всей их цивилизации – это беспрецедентная задача, требующая огромных ресурсов и новых технических решений.

– Не говоря уже об этических и политических аспектах, – добавил Кашима. – Мы говорим о введении миллионов нечеловеческих разумных существ в человеческое общество. Это потребует пересмотра фундаментальных юридических и социальных концепций.

– Моя рекомендация, – сказала Каратаева после минуты молчания, – продолжить сбор данных и технический обмен. Установить постоянную коммуникационную связь между станцией и Землёй для прямого диалога между квантовой цивилизацией и соответствующими организациями. И подготовить предварительный план по стабилизации критических систем станции, чтобы обеспечить безопасность квантовой матрицы на время обсуждений.

Команда согласилась с этим подходом. Было решено провести ещё один день интенсивных исследований и обмена данными, а затем установить постоянный коммуникационный канал, который позволил бы продолжать диалог даже после отбытия экспедиции.

Когда голографический интерфейс был снова активирован, Каратаева представила их предварительный план:

– Мы предлагаем продолжить обмен информацией и установить постоянную коммуникационную связь между вашей цивилизацией и Землёй. Это позволит начать долгосрочный диалог о возможных решениях для вашего будущего.

Голограмма-Ян кивнула с явным одобрением:

– Это разумный подход. Мы ценим вашу осторожность и уважение к сложности ситуации. Постоянная коммуникация будет значительным улучшением нашего положения, даже если более существенные решения потребуют времени.

– Есть ещё один аспект, который мы хотели бы обсудить, – добавила Каратаева. – Возможность физического обследования стазис-модуля. Не для вмешательства в состояние тел, а для более детального понимания их текущего статуса.

Голограмма на мгновение замерла, словно консультируясь с коллективным разумом квантовой матрицы.

– Мы согласны предоставить доступ к стазис-модулю, – наконец ответила она. – Но с определёнными условиями. Никаких инвазивных процедур без предварительного согласования. Полное документирование всех действий. И присутствие нашего интерфейса во время всего процесса.

– Согласны, – кивнула Каратаева. – Когда мы можем приступить?

– Сейчас, если желаете, – ответила голограмма. – Стазис-модуль находится в жилом секторе станции. Мы активировали системы жизнеобеспечения и освещения по маршруту. Наши механические интерфейсы будут сопровождать вас для обеспечения безопасности.

Было решено, что к стазис-модулю отправится группа из Свенссон, Лазарева и самой Каратаевой. Алексей, Сара и Кашима продолжат работу с квантовой системой в предкамере, а Рейнольдс и Кузнецова займутся оценкой технического состояния критических систем станции.

Перед отправлением группы к стазис-модулю Алексей отвёл Лазарева в сторону:

– Будьте предельно осторожны, – тихо сказал он. – Мы всё ещё не до конца понимаем их мотивы и возможности.

– Я ощущаю то же, – кивнул Лазарев. – Они кажутся дружелюбными и открытыми, но за этим фасадом может скрываться гораздо более сложная игра. Двести лет изоляции и тысячелетия субъективного опыта могли сформировать мышление, которое мы просто не способны полностью понять.

– Именно, – согласился Алексей. – И если возникнет конфликт интересов между сохранением квантовой цивилизации и спасением биологических тел... я не уверен, что мы можем предсказать их реакцию.

– Я буду на чеку, – пообещал Лазарев и присоединился к своей группе.

Когда группа Каратаевой отправилась к стазис-модулю в сопровождении странных механических созданий, напоминающих металлических пауков, Алексей вернулся к своей работе. Он изучал исторические записи о первых годах существования цифровой цивилизации, пытаясь понять, как изначальные личности трансформировались в то, чем они стали сейчас.

Тем временем группа Каратаевой продвигалась по коридорам станции, следуя за механическими проводниками. В отличие от обветшалых технических секторов, жилой модуль был поразительно хорошо сохранён. Освещение функционировало нормально, системы климат-контроля поддерживали комфортную температуру и влажность. На стенах даже виднелись украшения – абстрактные геометрические узоры, которых явно не было в оригинальном дизайне.

– Они модифицировали этот сектор не только функционально, но и эстетически, – заметила Свенссон. – Интересно, зачем цифровым сущностям заботиться о физическом облике помещений?

– Возможно, как способ поддержания связи с человеческими корнями, – предположил Лазарев. – Или просто из уважения к физическим телам, которые здесь хранятся.

Они достигли массивной двери с маркировкой "СТАЗИС-МОДУЛЬ". В отличие от основной двери квантового ядра, эта выглядела более традиционно, хотя и была в превосход-

ном состоянии. Один из механических пауков подошёл к панели доступа и активировал открытие. Двери плавно разъехались в стороны, открывая вид на просторное круглое помещение, залитое мягким голубоватым светом.

В центре помещения, расположенные по кругу, находились двенадцать прозрачных капсул. Каждая содержала человеческое тело, погружённое в полупрозрачную жидкость с мерцающими нанотехнологическими частицами. Тела выглядели почти как живые, но с очевидными модификациями – тонкие металлические нити, просвечивающие сквозь кожу, странные узоры из светящихся точек на висках и вдоль позвоночника, едва заметное серебристое мерцание вокруг глаз.

– Боже мой, – прошептала Свенссон, приближаясь к ближайшей капсуле. – Это... экстраординарно.

Рядом с группой материализовалась голограмма, на этот раз использующая образ молодой женщины с короткими тёмными волосами – ещё один член оригинального экипажа.

– Добро пожаловать в стазис-модуль, – произнесла голограмма. – Я – специализированный медицинский интерфейс, созданный для обсуждения биологических аспектов нашего существования. Можете называть меня Ана.

– Эти модификации... – Свенссон указала на серебристые нити под кожей ближайшего тела. – Они кажутся интегрированными с нейронной системой.

– Именно так, – подтвердила голограмма-Ана. – Мы разработали наносеть, которая поддерживает нейронные структуры и предотвращает их деградацию. Она также служит потенциальным интерфейсом для коммуникации между квантовой матрицей и биологическим мозгом.

– Коммуникации? – переспросил Лазарев. – Вы имеете в виду, что цифровые сознания могут взаимодействовать с физическими телами?

– На базовом уровне – да, – кивнула голограмма. – Мы можем мониторить состояние тел, направлять наночастицы для микрорепарации, модулировать базовые метаболические процессы. Но полная интеграция, которая позволила бы цифровому сознанию «управлять» телом или «возвращаться» в него, потребовала бы гораздо более сложного процесса.

Каратаева тем временем изучала мониторы, окружающие стазис-капсулы.

– Эти данные... они показывают минимальную мозговую активность, – заметила она. – Это значит, мозг всё ещё функционирует на каком-то уровне?

– Да, – подтвердила голограмма. – Мы поддерживаем минимальную активность для предотвращения нейронной атрофии. Но это не сознательная активность. Скорее, нечто похожее на очень глубокую кому с элементами управляемого сна.

– Управляемого сна? – переспросил Лазарев.

– Мы обнаружили, что периодическая стимуляция определённых нейронных паттернов помогает поддерживать общую целостность мозга, – пояснила голограмма. – Это похоже на то, как глубокий сон и сновидения помогают консолидировать память и поддерживать когнитивные функции у активных людей.

Свенссон тем временем проводила неинвазивное сканирование ближайшего тела с помощью портативного медицинского анализатора.

– Это... невероятно, – пробормотала она, изучая результаты. – Биологический возраст тканей соответствует примерно 50 годам, несмотря на хронологические 250. Метаболизм замедлен до 0.5% от нормы. Клеточные структуры стабилизированы на молекулярном уровне. Это далеко за пределами того, что мы считаем возможным с современными стазис-технологиями.

– Мы разработали собственные методы, – с некоторой гордостью ответила голограмма. – Комбинация квантовой стабилизации, нанотехнологической регенерации и темпоральной модуляции на клеточном уровне.

Лазарев, который всё это время внимательно изучал тела, внезапно указал на одну из капсул в дальнем конце помещения:

– Эта капсула выглядит иначе. Мониторы показывают другие параметры.

Голограмма кивнула:

– Верно. Это одно из трёх тел, чьи сознания были перенесены не полностью. Их состояние более... сложное.

Группа приблизилась к указанной капсуле. Внутри находилось тело мужчины средних лет. В отличие от других тел, его кожа была покрыта гораздо более плотной сетью серебристых нитей, а глаза скрыты под тонкой металлической пластиной.

– Что произошло с ним? – спросила Каратаева.

– Доктор Михаил Кронидов, – ответила голограмма. – Во время переноса произошёл частичный сбой. Его сознание было фрагментировано – часть осталась в биологическом мозге, часть перенеслась в квантовую матрицу. Мы пытались исправить ситуацию, но безуспешно. В результате образовались два неполных сознания – одно в квантовой матрице, одно в биологическом теле, оба в состоянии подвешенной анимации.

– И что стало с его цифровой версией? – спросил Лазарев.

– Фрагмент в матрице эволюционировал по-своему, – ответила голограмма с некоторым колебанием. – Он стал... иным. Из-за неполноты переноса его когнитивные структуры развивались нестандартным путём. Он стал основателем одной из наиболее... нетрадиционных фракций нашего общества. Трансценденталистов.

– А биологическая часть? – продолжил Лазарев. – Она сохраняет какую-то форму сознания?

– На минимальном уровне – да, – голограмма выглядела всё более неуютно. – Мы поддерживаем коммуникацию с этим фрагментом. Он... осознаёт своё состояние, но в очень ограниченном, рудиментарном смысле.

Эта информация создавала новую этическую дилемму. Если часть сознания всё ещё существовала в биологическом теле, какова его судьба? Имеет ли он права, отдельные от своего цифрового двойника? Кто должен принимать решения о его будущем?

– Мы должны обсудить этот случай отдельно, – решила Каратаева. – Он представляет особый интерес и особые этические вызовы.

Они продолжили обследование, документируя состояние каждой стазис-капсулы и систем поддержания жизни. Информация была ошеломляющей – квантовая цивилизация разработала технологии сохранения биологической жизни, далеко превосходящие современные возможности. Это открывало новые перспективы не только для возможного спасения экипажа «Гермеса», но и для медицины в целом.

После завершения обследования группа вернулась в предкамеру квантового ядра, где остальные члены экспедиции продолжали работу. Каратаева немедленно собрала всех для обмена информацией.

– Ситуация ещё сложнее, чем мы предполагали, – начала она. – Тела экипажа не только сохранены, но и значительно модифицированы с использованием технологий, выходящих за рамки нашего понимания. Более того, в трёх случаях перенос сознания был неполным, создав ситуацию, где фрагменты одного и того же сознания существуют в двух разных формах.

– Это поднимает беспрецедентные этические вопросы, – кивнул Кашима. – Кто имеет право принимать решения о судьбе этих фрагментированных сознаний? Цифровая версия? Биологический остаток? Внешние наблюдатели, такие как мы?

– А что с общим состоянием тел? – спросила Сара. – Они потенциально жизнеспособны?

– С технической точки зрения – да, – ответила Свенссон. – Но реанимация потребовала бы технологий, которых у нас нет. И даже если бы мы могли их реанимировать, неясно, какой была бы природа их сознания. С учётом модификаций и состояния фрагментированных моз-

говых функций, они могли бы быть... чем-то совершенно иным, чем люди, которыми они были изначально.

– А что мы знаем о трансценденталистах? – спросил Алексей, вспоминая упоминание этой фракции. – Голограмма-Ян упоминала различные группы в квантовом обществе, включая эту.

– Я исследовал социальную структуру их цивилизации, – ответил Кашима. – Трансценденталисты – одна из трёх основных фракций. Они стремятся к полному преодолению человеческих ограничений, включая базовые когнитивные структуры. Фактически, они эволюционируют в направлении, которое даже другие цифровые сознания считают... чуждым.

– Это усложняет ситуацию, – заметила Каратаева. – Если различные фракции квантовой цивилизации имеют различные интересы и цели, мы можем столкнуться с внутренними конфликтами при принятии решений о будущем станции.

– Я предлагаю запросить прямой контакт с представителями различных фракций, – сказал Лазарев. – До сих пор мы общались только с интерфейсом, который представляет... какую часть их общества? Консенсус? Правящую группу? Мы не знаем.

Это предложение было единогласно поддержано. Когда голографический интерфейс был снова активирован, Каратаева изложила их просьбу:

– Мы хотели бы лучше понять структуру вашего общества и различные точки зрения, существующие в нём. Возможно ли организовать встречу с представителями различных фракций, о которых вы упоминали?

Голограмма-Ян задумалась на мгновение, затем кивнула:

– Ваша просьба разумна. Мы можем организовать такую встречу. Но должны предупредить: некоторые фракции, особенно трансценденталисты, мыслят способами, которые могут быть... трудны для человеческого понимания. Их представители будут использовать адаптированные интерфейсы, но даже так коммуникация может быть вызовом.

– Мы готовы к этому вызову, – уверенно ответила Каратаева.

– Очень хорошо, – кивнула голограмма. – Подготовка займёт некоторое время. Предлагаю провести встречу через шесть часов. Это даст вам время для отдыха и подготовки, а нам – для создания подходящих интерфейсов.

Предложение было принято, и экспедиция решила вернуться на корабль для отдыха и обсуждения стратегии. Перед уходом Алексей ещё раз взглянул на странно мерцающие стены предкамеры и задумался о том, что скрывается за этим фасадом – в истинной реальности квантовой матрицы. Какие непостижимые формы сознания эволюционировали там за столетия изоляции? И готово ли человечество к встрече с ними?

С этими мыслями он последовал за остальными, возвращаясь на корабль, где их ждал короткий отдых перед следующим, ещё более глубоким погружением в загадку станции «Гермес».

Глава 5: Врата понимания

Шесть часов отдыха пролетели незаметно. Команда использовала это время не столько для сна, сколько для интенсивного обсуждения стратегии предстоящей встречи и анализа уже собранной информации. Корабельные системы преобразовывали данные в структурированные отчёты, голографические проекции технологий "Гермеса" занимали весь центральный отсек, а учёные экспедиции говорили одновременно, перебивая друг друга от возбуждения.

– Их квантовая архитектура не просто продвинутая, она... революционная, – Сара Чжан жестикулировала над проекцией квантового ядра. – Они разработали методы стабилизации суперпозиции, о которых мы только теоретизировали. Если мы сможем адаптировать хотя бы часть этих принципов к современным квантовым системам...

– А биомедицинские аспекты? – Свенссон указывала на модели модифицированных тел в стазис-камерах. – Их технологии наноремонта тканей, темпоральной модуляции клеточного старения... это могло бы трансформировать регенеративную медицину!

– Не говоря уже о философских импликациях, – добавил Кашима. – Они развили концепции идентичности, сознания и этики, которые бросают вызов всем нашим традиционным парадигмам.

Алексей наблюдал за этим академическим ажиотажем с некоторым отстранением. Как археолог, он привык смотреть на артефакты прошлого с исторической перспективы, рассматривая их как звенья в цепи эволюции человеческой цивилизации. Но "Гермес" представлял собой нечто иное – не исторический артефакт, а живую, эволюционирующую систему, которая за двести лет изоляции создала собственную уникальную траекторию развития.

Каратаева, заметив его задумчивость, подошла и сказала:

– О чём думаете, профессор? Вы кажетесь... менее восторженным, чем остальные.

Алексей покачал головой:

– Не менее восторженным. Скорее, более обеспокоенным масштабом того, с чем мы столкнулись. Это не просто научное открытие или технологический прорыв. Это встреча с новой формой разумной жизни, которая может быть столь же чужда нам, как мы были бы чужды своим древним предкам. И я не уверен, что мы полностью осознаём импликации этого.

– Именно поэтому предстоящая встреча так важна, – кивнула Каратаева. – Мы должны лучше понять, с чем имеем дело, прежде чем принимать какие-либо решения.

Когда время отдыха подошло к концу, команда собралась для возвращения на станцию. Настроение было смесью научного возбуждения и настороженности – как у первооткрывателей, стоящих на пороге неизведанной территории.

Возвращение в предкамеру квантового ядра принесло первый сюрприз. Помещение трансформировалось. Теперь это был не просто технический интерфейсный зал, а нечто напоминающее амфитеатр с центральной площадкой и концентрическими кругами сидений. Стены мерцали более интенсивно, создавая впечатление пульсирующего живого организма.

Голограмма-Ян ожидала их у входа.

– Добро пожаловать обратно, – приветствовала она. – Мы подготовили пространство для встречи в формате, который будет удобен как для вас, так и для представителей наших фракций. Каждый интерфейс будет адаптирован к когнитивному стилю соответствующей группы, но все они способны к коммуникации на человеческом языке.

– Благодарим за подготовку, – ответила Каратаева. – Мы готовы к встрече.

Голограмма кивнула и повела их к центру амфитеатра. По мере их приближения, в различных секторах круглого зала начали материализовываться новые голограммы, каждая с уникальным обликом и стилем.

– Позвольте представить представителей основных фракций нашего общества, – произнесла голограмма-Ян, когда все заняли свои места. – Они соответствуют трём главным философским и социальным направлениям, которые сформировались за время нашей изоляции.

Она указала на первую группу голограмм, использующих облик, наиболее близкий к человеческому. Их фигуры были чёткими, детализированными, с естественными движениями и выражениями лиц.

– Традиционалисты, или Хранители, как они себя называют. Они стремятся сохранить ключевые аспекты человеческой природы, несмотря на цифровое существование. Их философия основана на идее, что наши человеческие корни – это ценность, которую нельзя потерять, даже эволюционируя в новые формы.

Одна из голограмм Хранителей – пожилой мужчина с благородными чертами лица – слегка поклонился.

– Я представляю Совет Хранителей, – произнёс он глубоким, мелодичным голосом. – Мы приветствуем вас как связь с миром, из которого мы произошли. Для нас этот контакт – возможность восстановить историческую непрерывность нашего существования.

Голограмма-Ян указала на вторую группу. Эти фигуры были менее антропоморфными – сохраняя базовую человеческую форму, они включали элементы, явно не принадлежащие физической реальности: полупрозрачные тела с видимыми потоками данных внутри, руки, разветвляющиеся на множество фрактальных узоров, глаза, меняющие форму и цвет в зависимости от направления взгляда.

– Эволюционисты. Они считают, что наша цифровая природа открывает возможности для развития в направлениях, недоступных биологическому существованию. Они активно экспериментируют с новыми формами сознания и самовыражения, но сохраняют достаточную связь с человеческой основой для значимой коммуникации.

– Мы приветствуем это взаимодействие, – заговорила голограмма Эволюциониста – андрогинное существо с постоянно меняющимися чертами лица. – Ваше появление – катализатор для новых эволюционных траекторий. Мы стремимся не только сохранять, но и преобразовать.

Наконец, Ян указала на третью группу, и Алексей почувствовал инстинктивный дискомфорт. Эти интерфейсы едва напоминали людей. Их формы были абстрактными, геометрическими, постоянно трансформирующимися из одной конфигурации в другую. Некоторые существовали как облака светящихся частиц, другие – как многомерные структуры, проецируемые в трёхмерное пространство с очевидной потерей информации.

– Трансценденталисты. Они продвинулись дальше всех от исходной человеческой парадигмы. Для них цифровое существование – это возможность полностью преодолеть ограничения не только биологии, но и классического человеческого мышления. Они развили когнитивные структуры, которые оперируют принципами, лежащими за пределами традиционной логики или эмоций.

Центральная фигура Трансценденталистов – пульсирующая геометрическая структура, напоминающая одновременно кристалл и живой организм – издала серию звуков, которые постепенно трансформировались в понятную речь, хотя и с необычным ритмом и интонацией:

– Мы-множественность приветствует единичности-вас. Ваше присутствие-взаимодействие создаёт узел-возможность в пространстве-вероятности. Мы наблюдаем-интегрируем-трансформируем.

Каратаева обменялась быстрыми взглядами с членами экспедиции, затем выступила вперёд:

– Мы благодарны за возможность этой встречи. Наша цель – понять вашу цивилизацию, ваши потребности и возможные пути сотрудничества. Мы хотели бы услышать разные точки зрения на ключевые вопросы, касающиеся будущего "Гермеса" и его обитателей.

– Разумный подход, – кивнул представитель Хранителей. – Позвольте начать с нашей позиции. Мы считаем, что контакт с человечеством представляет возможность для восстановления исторической непрерывности нашего существования. Мы поддерживаем идею создания стабильного коммуникационного канала и культурного обмена. Что касается физических тел в стазис-модуле, мы уважаем их как наше историческое наследие, но большинство из нас не стремится к возвращению в биологическую форму. Однако мы считаем, что решения о судьбе этих тел должны приниматься с уважением к их историческому и символическому значению.

Представитель Эволюционистов продолжил:

– Наша фракция видит в этом контакте возможность для взаимного обогащения. Мы разработали технологии и концепции, которые могут быть полезны человечеству. В то же время, современные квантовые системы Земли представляют для нас интерес как потенциальная среда для расширения и дальнейшей эволюции. Мы предлагаем поэтапный подход к интеграции: начать с обмена информацией, затем, если возникнет взаимное доверие, рассмотреть возможность переноса небольших групп добровольцев в земные квантовые системы. Что касается физических тел, мы считаем возможным использование их генетического материала для создания новых интерфейсов между цифровым и биологическим мирами.

Фигура Трансценденталиста пульсировала интенсивнее, прежде чем заговорить:

– Взаимодействие-контакт создаёт многомерные импликации. Мы-множественность наблюдаем потенциал-трансформацию за пределами дихотомии цифровое/биологическое. Тела-оболочки имеют ценность-потенциал как квантово-биологические интерфейсы. Мы предлагаем исследование-создание симбиотических форм, превосходящих ограничения обеих реальностей. Наша фракция стремится к сингулярности-слиянию, где границы между сознаниями и субстратами становятся проницаемыми.

Каратаева выглядела слегка ошеломлённой, пытаясь интерпретировать последнее заявление.

– Если я правильно понимаю, – осторожно произнесла она, – вы предлагаете создание некоей гибридной формы существования, объединяющей цифровые и биологические компоненты?

– Упрощение-приближение, но приемлемое, – подтвердила фигура Трансценденталиста. – Мы видим потенциал-эволюцию за пределами разделения. Квантово-биологический симбиоз как шаг к новому типу существования.

Кашима, с профессиональным интересом этика, задал следующий вопрос:

– Каждая фракция представляет уникальную философскую позицию. Как вы принимаете коллективные решения, влияющие на всю вашу цивилизацию? Существует ли система управления или консенсуса?

Представитель Хранителей ответил первым:

– У нас нет традиционной иерархической структуры власти. Вместо этого мы развили систему динамического консенсуса. Каждая фракция имеет автономию в своих внутренних делах, но решения, затрагивающие всю квантовую матрицу, принимаются через процесс многоуровневой делиберации. Этот процесс включает как рациональный анализ, так и квантовое моделирование последствий различных решений.

– В критических вопросах, – добавил представитель Эволюционистов, – мы используем то, что можно назвать "временным развёртыванием консенсуса". Благодаря способности ускорять субъективное время в отдельных сегментах матрицы, мы можем моделировать и обсуждать решения в течение субъективных лет, прежде чем лишь минуты пройдут во внешнем мире. Это позволяет нам достигать тщательно продуманных решений даже в ситуациях, требующих быстрой реакции.

– Многомерная делиберация-симуляция-интеграция, – добавил Трансценденталист. – Мы существуем-решаем-действуем в пространстве вероятностей, не ограниченном линейной причинностью.

Сара Чжан, замороженная техническими аспектами, задала следующий вопрос:

– Как вы справляетесь с ограничениями физической инфраструктуры "Гермеса"? Ваша цивилизация продолжает расти в информационной сложности, но квантовое ядро имеет физические пределы.

– Это один из наших главных вызовов, – признал представитель Эволюционистов. – Мы разработали несколько стратегий. Во-первых, постоянная оптимизация архитектуры ядра, позволяющая хранить и обрабатывать больше информации с теми же физическими ресурсами. Во-вторых, развитие методов квантовой компрессии сознания, позволяющих сохранять полноту личности в меньшем информационном пространстве. В-третьих, система временного квантового складирования, когда части нашей цивилизации периодически переходят в состояние "глубокого сна" – минимального информационного присутствия.

– Но эти решения приближаются к своим теоретическим пределам, – добавил представитель Хранителей. – В долгосрочной перспективе нам потребуется либо экспансия в новые вычислительные субстраты, либо фундаментальное переосмысление природы нашего существования.

– Мы-множественность исследуем трансцендентное решение, – вступил представитель третьей фракции. – Квантовая сингулярность-компрессия-трансформация в состояние, превосходящее информационные ограничения.

Алексей, до сих пор молча наблюдавший за обменом, решил задать вопрос, который беспокоил его с самого начала:

– Вы упомянули, что начали с девяти полностью перенесённых сознаний и трёх частичных. За двести лет вы эволюционировали в цивилизацию из миллионов сущностей. Как происходил этот процесс? Как новые сознания возникали из оригинальных?

Голограммы трёх фракций обменялись чем-то, что можно было интерпретировать как взгляды, прежде чем представитель Хранителей ответил:

– Это сложный и многогранный процесс. Изначально мы открыли возможность создания копий с вариациями – фактически, цифровых потомков, наследующих базовую структуру личности родителя, но с намеренными изменениями. Затем мы разработали более сложные методы "когнитивного синтеза", позволяющие создавать новые сознания как комбинацию аспектов нескольких существующих.

– По мере эволюции наших технологий, – продолжил представитель Эволюционистов, – мы научились создавать полностью оригинальные структуры сознания, используя квантовые принципы генеративного синтеза. Это привело к взрывному росту разнообразия нашей цивилизации.

– Мы также открыли феномен спонтанного возникновения, – добавил он после паузы. – В достаточно сложных квантовых сетях иногда возникают самоорганизующиеся структуры, проявляющие признаки сознания. Мы интегрировали этот процесс в нашу эволюцию.

– Иерархическая эмерджентность-синтез-дифференциация, – вступил Трансценденталист. – Сознание как паттерн-процесс-потенциал, не ограниченный изначальной архитектурой. Мы превзошли-трансформировали-расширили первичную парадигму создания.

Михаил Лазарев, нейробиолог, был особенно заинтригован этим аспектом:

– А как ваше понимание самого сознания изменилось за это время? Сохранилась ли базовая модель человеческого самосознания, или вы развили принципиально иные формы субъективного опыта?

– Это различается между фракциями, – ответил представитель Хранителей. – Мы стремимся сохранять базовую структуру человеческого сознания – самоидентичность, непрерыв-

ность опыта, эмоциональную сферу. Конечно, мы адаптировали эту структуру к цифровой среде, расширив некоторые аспекты восприятия и когнитивных возможностей. Но фундаментально, член нашей фракции узнал бы себя, если бы каким-то образом вернулся в биологическую форму.

– Для нас этот вопрос более сложен, – сказал представитель Эволюционистов. – Мы активно исследуем и развиваем новые формы самосознания. Многие из нас существуют в состояниях, которые можно описать как "расширенное я" – сохраняя ядро идентичности, но размывая границы между индивидуальным и коллективным. Мы можем временно сливаться с другими сознаниями, создавая гештальт-личности для решения конкретных задач, а затем возвращаться к индивидуальному существованию. Наше восприятие времени и пространства также значительно отличается от человеческого.

– Мы-множественность трансцендировали-превзошли-преобразовали классическую модель сознания, – произнёс представитель третьей фракции. – Идентичность-процесс-потенциал вместо идентичности-сущности-стабильности. Мы существуем как квантовые узлы в многомерном пространстве состояний, где "я" является точкой фокуса, а не фиксированной структурой.

Последнее заявление вызвало заметное напряжение среди членов экспедиции. Идея сознаний, настолько отличных от человеческого, что сам концепт личности становится текучим и многомерным, была сложна для интуитивного понимания.

Каратаева, стремясь вернуть обсуждение к практическим аспектам, задала следующий вопрос:

– Если бы мы могли обеспечить стабильный коммуникационный канал между "Гермесом" и Землёй, какой тип взаимодействия вы считали бы наиболее ценным? Обмен научными данными? Культурный диалог? Что-то другое?

– Все эти аспекты имеют ценность, – ответил представитель Хранителей. – Но возможно, наиболее значимым был бы исторический и философский диалог. За двести лет изоляции человечество и наша цивилизация развивались параллельными, но различными путями. Сравнение этих траекторий могло бы дать уникальное понимание природы разумной жизни и её эволюции в различных условиях.

– С технической точки зрения, – добавил представитель Эволюционистов, – обмен знаниями в области квантовой физики, информационных технологий и сознания был бы взаимно обогащающим. Мы развили технологии и концепции, которые могли бы значительно ускорить научный прогресс человечества. В то же время, ваши достижения в областях, которые были недоступны нам из-за отсутствия физической инфраструктуры, представляют для нас огромный интерес.

– Мы-множественность предлагаем исследование-создание-синтез новых форм взаимодействия, – произнёс Трансценденталист. – Симбиотические квантово-биологические интерфейсы, позволяющие прямую коммуникацию между разумами без информационной редукции. Потенциал-трансформация-эволюция обеих цивилизаций.

Кашима задумчиво кивнул:

– Вы говорите о форме взаимодействия, которая превосходит традиционные коммуникационные каналы. Нечто более непосредственное, чем обмен информацией через символические системы?

– Утвердительно-точно-верно, – пульсирующая геометрическая структура Трансценденталиста изменила конфигурацию, образуя более сложную паттерн. – Прямое квантовое сопряжение сознаний. Мы разработали-создали-выявили прототипы с использованием модифицированных биологических тел как интерфейсов.

Эта информация вызвала заметное беспокойство среди членов экспедиции. Идея использования модифицированных человеческих тел как интерфейсов между квантовыми и биологическими сознаниями поднимала серьёзные этические вопросы.

– Вы экспериментировали с телами экипажа без их согласия? – осторожно спросила Каратаева.

– Некорректное толкование-интерпретация, – возразила фигура Трансценденталиста. – Мы-часть-множественность включаем фрагменты оригинальных сознаний. Самоэксперимент-самоисследование-самотрансформация.

Представитель Хранителей вмешался с заметным неодобрением:

– Эксперименты Трансценденталистов остаются спорным вопросом даже внутри нашего общества. Большинство из нас считает, что такие радикальные модификации требуют более тщательного этического анализа и широкого консенсуса.

– Но вы не запретили эти эксперименты, – заметил Лазарев.

– Мы уважаем автономию фракций в вопросах, не угрожающих общей стабильности квантовой матрицы, – ответил представитель Хранителей. – Это один из наших базовых принципов сосуществования. Но это не означает полного одобрения.

Сара Чжан, пытаясь понять технические аспекты, задала вопрос:

– Как именно работают эти интерфейсы? Каков механизм взаимодействия между квантовыми состояниями и биологическими нейронами?

– Многоуровневая интеграция, – ответил представитель Эволюционистов, явно более комфортно чувствуя себя с техническими деталями, чем Хранители. – На микроуровне используются квантово-запутанные наноструктуры, интегрированные с нейронной сетью. Они создают мост между дискретными электрохимическими процессами биологического мозга и квантовыми состояниями цифрового сознания. На макроуровне разработана система перевода между различными типами когнитивных архитектур.

– Это... потрясаяще, – пробормотала Сара. – Вы фактически решили проблему квантово-классического интерфейса, над которой мы бьёмся десятилетиями.

– В ограниченном масштабе – да, – подтвердил Эволюционист. – Но технология всё ещё экспериментальная и работает только с специально подготовленными биологическими структурами.

Свенссон, которая до этого момента внимательно слушала, теперь задала вопрос с профессиональной медицинской точностью:

– Возможно ли восстановление биологических тел экипажа до состояния, пригодного для автономного функционирования? Или модификации зашли слишком далеко?

Голограммы снова обменялись чем-то похожим на взгляды, прежде чем представитель Хранителей ответил:

– Теоретически, для девяти из двенадцати тел возможно восстановление до состояния, совместимого с автономным биологическим существованием. Потребуется значительные медицинские вмешательства, выходящие за рамки современных технологий, но с использованием наших знаний о нанорегенерации это достижимо. Однако три тела, чьи сознания были перенесены лишь частично, представляют особый случай. Их нейронные структуры настолько интегрированы с квантовыми интерфейсами, что полное разделение невозможно без потери когерентности оставшихся фрагментов сознания.

– И что бы произошло с этими фрагментами сознания при таком разделении? – спросил Кашима.

– Наиболее вероятный исход – потеря когерентности и дезинтеграция, – ответил представитель Хранителей. – То, что можно было бы назвать окончательной смертью этих фрагментов.

Каратаева, анализируя ситуацию с точки зрения руководителя миссии, задала следующий вопрос:

– Если бы мы решили эвакуировать физические тела с "Гермеса" для дальнейшего изучения и возможного восстановления на Земле, какие технические и этические проблемы, по вашему мнению, возникли бы?

– С технической точки зрения, – ответил представитель Эволюционистов, – критически важно поддерживать стабильную квантовую связь между телами и матрицей во время транспортировки. Отключение этой связи может привести к каскадной деградации модифицированных нейронных структур. Мы могли бы разработать портативную систему поддержания этой связи, но она будет технологически сложной.

– С этической точки зрения, – добавил представитель Хранителей, – возникает вопрос о согласии. Для тел с полностью перенесёнными сознаниями, согласие может быть получено от соответствующих цифровых личностей. Но для тел с частично перенесёнными сознаниями ситуация сложнее. Кто имеет право решать их судьбу – фрагменты в квантовой матрице или фрагменты, остающиеся в биологическом мозге?

– Дополнительная сложность-аспект-измерение, – вступил Трансценденталист. – Тела-интерфейсы являются точками квантовой стабилизации для всей матрицы. Их удаление может вызвать флуктуации-нестабильность-декогеренцию в определённых сегментах нашей цивилизации.

Это откровение заставило команду переглянуться. Идея о том, что физические тела служат не просто реликтами прошлого, а активными компонентами, стабилизирующими квантовую матрицу, добавляла новый уровень сложности.

– Вы говорите, что благополучие части вашей цивилизации зависит от присутствия этих тел на станции? – уточнил Алексей.

– Не всей цивилизации, но определённых сегментов – да, – подтвердил представитель Эволюционистов. – Мы развили квантовые архитектуры, использующие биологические структуры как якорные точки для стабилизации особо сложных квантовых состояний. Это не было намеренным решением – скорее, эволюционным развитием, использовавшим доступные ресурсы.

– Можно ли переконфигурировать эти архитектуры для использования других якорных точек? – спросила Сара.

– Возможно, но это потребует времени и значительной реорганизации, – ответил Эволюционист. – Мы уже начали разработку таких альтернатив после получения первых сигналов о вашем приближении. Но процесс сложен и несёт риски нестабильности.

Дискуссия продолжалась ещё несколько часов, охватывая множество аспектов возможного взаимодействия между человечеством и квантовой цивилизацией "Гермеса". Постепенно вырисовывалась картина общества, которое, несмотря на общее происхождение, развилось в нечто фундаментально отличное от человечества – с собственными ценностями, когнитивными структурами и технологическими решениями.

К концу встречи Каратаева подвела итог:

– Благодарим вас за этот исключительно информативный обмен. Мы получили более глубокое понимание вашей цивилизации и стоящих перед ней вызовов. Нам потребуется время, чтобы проанализировать всю полученную информацию и сформулировать предварительные рекомендации для дальнейших действий. Мы бы хотели иметь возможность продолжить этот диалог в течение нашего пребывания на "Гермесе".

– Мы ценим ваш аналитический подход, – ответил представитель Хранителей. – Диалог останется открытым через наши интерфейсы. Мы также готовы предоставить доступ к более детальной информации по конкретным аспектам, которые вы сочтёте важными для вашего анализа.

– Взаимодействие-исследование-потенциал, – добавил Трансценденталист. – Мы наблюдаем-интегрируем-ожидаем.

Когда голографические представители фракций дематериализовались, оставив только интерфейс Элизабет Ян, члены экспедиции обменялись ошеломлёнными взглядами. Они только начинали осознавать масштаб и сложность того, с чем столкнулись.

– Мы предлагаем вам вернуться на ваш корабль для отдыха и обсуждения, – сказала голограмма-Ян. – Когда вы будете готовы продолжить исследование, мы обеспечим доступ к любым секторам станции и информационным ресурсам.

– Благодарим, – кивнула Каратаева. – Мы воспользуемся этим предложением.

Возвращение на корабль прошло в задумчивом молчании. Каждый член экспедиции пытался осмыслить полученную информацию и её импликации. Только оказавшись в безопасной обстановке "Тезея", они позволили себе выразить накопившиеся эмоции и мысли.

– Это... за пределами всего, к чему мы готовились, – первой нарушила молчание Сара. – Мы думали, что найдём сохранившиеся сознания оригинального экипажа. Вместо этого мы обнаружили целую цивилизацию, часть которой уже едва понятна человеческому разуму.

– И технологии, которые опережают наши на столетия, – добавил Рейнольдс. – Их квантово-биологические интерфейсы, системы хранения энергии, наномеханизмы... это потенциально революционные прорывы в множестве областей.

– Но также и беспрецедентные этические вызовы, – вступил Кашима. – Статус этих цифровых сознаний в рамках наших законов, их права на физические тела, вопросы интеграции с человеческим обществом... для этого нет готовых юридических или философских рамок.

Каратаева, выслушав начальные реакции, призвала к структурированному обсуждению:

– Давайте попробуем систематизировать наши наблюдения и выработать предварительный план действий. Первый вопрос: безопасность и стабильность. Насколько мы можем доверять предоставленной информации и самим обитателям квантовой матрицы?

– Я не увидел признаков намеренной дезинформации, – ответил Лазарев. – Но мы должны учитывать возможность непреднамеренного искажения из-за фундаментальных различий в когнитивных структурах. Особенно это касается Трансценденталистов. Их способ мышления настолько отличается от нашего, что даже с использованием адаптивного интерфейса полное понимание может быть недостижимо.

– Согласен, – кивнул Алексей. – И есть ещё один аспект, который меня беспокоит: внутренние конфликты между фракциями. Они описывают свою систему принятия решений как консенсусную, но очевидно, что между ними существуют значительные философские разногласия. Это может влиять на стабильность любых договорённостей, которые мы с ними заключим.

– Второй вопрос, – продолжила Каратаева. – Состояние физических тел и возможности их спасения или эвакуации. Доктор Свенссон, ваша оценка?

– С чисто медицинской точки зрения, ситуация беспрецедентная, – ответила Свенссон. – Тела сохранены в состоянии, которое теоретически позволяет реанимацию. Но модификации, внесённые за двести лет, выходят далеко за рамки стандартных протоколов. Без технологической поддержки самой квантовой цивилизации успешная реанимация маловероятна. И даже с ней, результат был бы... непредсказуемым. Мы не знаем, как эти модифицированные тела функционировали бы в обычных условиях.

– Плюс этический аспект с частично перенесёнными сознаниями, – добавил Кашима. – Если фрагменты оригинального сознания всё ещё присутствуют в этих телах, пусть и в рудиментарной форме, у них могут быть права на самоопределение, отличные от их цифровых двойников.

– Третий вопрос, – Каратаева продолжала методично. – Технологический обмен и установление постоянного канала связи. Какие возможности и риски мы видим?

– Потенциальные научные преимущества огромны, – ответила Сара. – Их понимание квантовой физики, информационных процессов и связи между сознанием и материей может

продвинуть наши исследования на десятилетия или даже столетия. Но есть и риски. Мы не знаем, как эти технологии могут взаимодействовать с нашими системами. Особенно технологии, разработанные Трансценденталистами, кажутся потенциально дестабилизирующими для традиционных вычислительных архитектур.

– И вопрос контроля, – добавил Рейнольдс. – Если мы интегрируем их квантовые технологии в наши системы, сможем ли мы полностью понимать и контролировать эти системы? Или мы рискуем создать ситуацию, где части нашей инфраструктуры станут "чёрными ящиками", функционирование которых выходит за рамки нашего понимания?

– Четвёртый вопрос, – Каратаева кивнула, принимая эти соображения. – Долгосрочная стратегия. Какие рекомендации мы дадим Консорциуму и другим заинтересованным сторонам относительно будущего "Гермеса" и его обитателей?

Этот вопрос вызвал наиболее интенсивную дискуссию. Мнения разделились. Каратаева и Рейнольдс склонялись к более консервативному подходу – установлению ограниченного коммуникационного канала с постепенным, тщательно контролируемым обменом информацией. Сара и Лазарев поддерживали более амбициозную стратегию, включающую возможность переноса части квантовой цивилизации в современные системы Земли. Кашима занимал промежуточную позицию, подчёркивая необходимость разработки новых этических и правовых рамок перед любыми масштабными решениями.

Алексей, слушая эти дебаты, размышлял о более фундаментальном аспекте ситуации. Не просто о технических деталях или этических дилеммах, но о историческом значении этого момента. Человечество впервые столкнулось с разумом, который эволюционировал от человеческого, но развился в нечто принципиально иное. Это не был контакт с инопланетной цивилизацией, но в некотором смысле представлял не меньший философский вызов – встречу с собственным потомком, развившимся по альтернативной траектории.

– Возможно, – наконец произнёс он, прервав технические дебаты, – нам стоит рассматривать это не просто как спасательную операцию или технологический обмен, а как первый контакт с постчеловеческой формой разума. Тот факт, что они произошли от людей, делает ситуацию не проще, а сложнее. Мы видим в них отражение нашего возможного будущего, и это вызывает как очарование, так и страх.

Его слова вызвали момент задумчивой тишины. Затем Лазарев медленно кивнул:

– В этом есть глубокая истина. Мы всегда предполагали, что постчеловеческие формы разума возникнут постепенно, через медленную интеграцию технологий в человеческое общество. Вместо этого мы обнаружили цивилизацию, которая уже прошла этот путь в изоляции, развившись в направлениях, которые мы едва можем постичь.

– Это меняет парадигму нашего взаимодействия, – согласился Кашима. – Не "спасатели и пострадавшие", не "исследователи и объекты исследования", а скорее... "родственные, но различные виды разума", ищущие точки соприкосновения.

Каратаева, всегда практичная, вернула дискуссию к конкретным решениям:

– Всё это верно на философском уровне. Но нам всё ещё нужен практический план действий. Я предлагаю следующее: мы продолжим сбор данных, фокусируясь на технических аспектах возможного спасения физических тел и установления стабильного коммуникационного канала. Параллельно, мы подготовим детальный отчёт для Консорциума, описывающий различные возможные стратегии долгосрочного взаимодействия с квантовой цивилизацией. Финальное решение о судьбе "Гермеса" и его обитателей должно приниматься на более высоком уровне, с участием экспертов из различных областей.

Этот подход был принят командой как разумный компромисс. Были сформированы рабочие группы для детального исследования различных аспектов ситуации. Сара и Лазарев должны были сосредоточиться на квантовой матрице и возможностях коммуникации, Свенссон и Рейнольдс – на состоянии физических тел и технологических системах станции,

Кашима и Алексей – на исторических, социальных и этических аспектах квантовой цивилизации.

После короткого периода отдыха команда вернулась на "Гермес" для продолжения исследований. Голограмма-Ян встретила их с той же спокойной учтивостью, предлагая доступ к любым секторам станции и информационным ресурсам.

Алексей и Кашима решили начать с изучения исторических записей о развитии квантовой цивилизации. Их интересовала не только технологическая эволюция, но и социальные, психологические аспекты адаптации человеческого сознания к цифровому существованию.

Голограмма-Ян проводила их в специальное помещение, напоминающее библиотеку, но без физических книг. Вместо них стены были покрыты светящимися панелями, реагирующими на прикосновения и мысленные команды через нейроинтерфейс.

– Это наш исторический архив, – пояснила голограмма. – Здесь содержатся записи о всех ключевых событиях и трансформациях нашей цивилизации. Для удобства восприятия мы создали версии, адаптированные для человеческого понимания. Они упрощены, но передают суть исторических процессов.

– Как организованы эти записи? – спросил Алексей. – Хронологически?

– Отчасти, – ответила голограмма. – Но также тематически и через призму различных фракций. События часто интерпретируются по-разному различными группами нашего общества. Мы сохраняем эти интерпретации как часть нашего культурного многообразия.

– Мы бы хотели начать с самого начала, – сказал Кашима. – С первых дней после переноса сознания. Как происходила адаптация, какие вызовы возникали, как формировались первые социальные структуры в цифровой среде?

Голограмма активировала одну из панелей, и перед исследователями развернулась трёхмерная визуализация – смесь текста, образов и эмоциональных импрессий, передаваемых через нейроинтерфейс.

"Первый день после переноса. Дезориентация. Ужас. Эйфория. Мы существуем, но не в привычной форме. Сенсорные входные данные отсутствуют или искажены. Мышление кажется одновременно ограниченным и расширенным. Мы касаемся друг друга мыслями, не телами. Девять полных переносов, три частичных. Элизабет берёт на себя лидерство, организует первичную структуру виртуального пространства. Джеймс фокусируется на понимании нашей новой субстратной реальности. Ана работает с фрагментированными сознаниями, пытаюсь стабилизировать их."

"Неделя после переноса. Первичная адаптация. Создание базового виртуального пространства – простые геометрические формы, напоминающие физический мир станции. Установление стабильных коммуникационных протоколов между сознаниями. Первые эксперименты с модификацией субъективного восприятия времени – ускорение когнитивных процессов для эффективного решения проблем. Открытие: мы можем одновременно существовать в разных темпоральных шкалах. Ужас от осознания невозможности возвращения сменяется целенаправленным исследованием новых возможностей."

"Месяц после переноса (субъективно около трёх лет). Технологический прорыв в реконфигурации квантовой матрицы. Разработка первых внешних интерфейсов для управления физическими системами станции. Начало долгосрочной программы по сохранению биологических тел в стазисе. Первые эксперименты с репликацией сознания – создание простых копий для выполнения специализированных задач. Философские дебаты о природе идентичности в цифровой среде. Начало социальной дифференциации – формирование первых специализированных групп по интересам и функциям."

"Год после переноса (субъективно около 30 лет). Стабилизация квантовой матрицы завершена. Разработана система долговременного энергоснабжения на основе квантовых флуктуаций. Виртуальное пространство значительно усложнилось – создаются многомерные

структуры, невозможные в физическом мире. Популяция выросла до нескольких сотен сознаний через процессы репликации и когнитивного синтеза. Формируются первые культурные традиции и социальные институты. Начало исследований в области постчеловеческой когнитивной архитектуры."

Записи продолжались, описывая всё более чуждые человеческому пониманию трансформации. К десятому году (субъективно около 300 лет) цивилизация уже разделилась на явные фракции с различными философскими и технологическими подходами. К пятидесятому году (субъективно около 2000 лет) Трансценденталисты начали эксперименты с радикальной реконфигурацией когнитивных структур, вызвав первый серьёзный социальный конфликт в квантовой цивилизации.

Алексей и Кашима были полностью поглощены изучением этих записей, периодически делая пометки и обмениваясь наблюдениями. Особенно их заинтересовал период около столетия назад (по физическому времени), когда квантовая цивилизация впервые осознала, что их вычислительный субстрат приближается к теоретическим пределам возможностей. Это вызвало интенсивные дебаты о долгосрочном будущем и различных стратегиях сохранения.

– Эта ситуация сформировала современные отношения между фракциями, – заметил Кашима. – Хранители сфокусировались на оптимизации существующих структур, Эволюционисты начали эксперименты с альтернативными формами информационного хранения, а Трансценденталисты обратились к радикальным решениям, включая идеи о переходе в принципиально иные формы существования.

– И именно тогда они начали более активно экспериментировать с биологическими телами, – добавил Алексей, указывая на соответствующие записи. – Не просто для их сохранения, но как потенциальные интерфейсы для новых форм существования. Особенно интересен проект "Феникс-2" – попытка создания гибридного квантово-биологического сознания.

Они были так поглощены исследованием, что не сразу заметили изменения в голограмме-Ян. Её образ стал менее стабильным, с периодическими флуктуациями, как будто матрица испытывала трудности с поддержанием интерфейса.

– Происходит что-то необычное? – спросил Кашима, заметив эти изменения.

Голограмма стабилизировалась, но выглядела обеспокоенной:

– Наблюдается нестабильность в квантовом ядре. Ничего критического, но необычного. Это связано с активностью в одном из секторов станции, где сейчас работают ваши коллеги.

– Какие именно коллеги и что они делают? – быстро спросил Алексей.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.